РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

Н. В. Андрейчук, Л. М. Гаврилина

Феномен калининградской
региональной субкультуры
(социально-философский
и культурологический анализ)

Калининград
Издательство РГУ им. И. Канта
2011

УДК 316.723(471.26)
ББК 71.5(2Рос-4Как)
А656

Рецензенты

В. К. Кантор, доктор философских наук, профессор
Государственного университета — Высшей школы экономики (Москва);
И. Н. Грифцова, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой
философии Московского педагогического государственного университета

Андрейчук Н. В., Гаврилина Л. М.

А656 Феномен калининградской региональной субкультуры (социально-философский и культурологический анализ): монография. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2011. — 139 с.

ISBN 978-5-9971-0090-2

В монографии предпринята попытка создания целостной социально-философской и культурологической концепции калининградской региональной субкультуры. Калининградская региональная субкультура как культура эксклавного типа впервые стала объектом всестороннего системного изучения как в теоретико-методологическом, так и в конкретно-прикладном аспектах. Предлагаемая концепция может быть основанием для планирования и осуществления культурной и образовательной политики в регионе, для адекватного понимания реальных социокультурных практик и возможных трендов их динамики.

Адресована специалистам в области культурологии, социальной философии и антропологии; представителям управленческих структур, призванных принимать решения в сфере культурной политики; всем, кто интересуется проблемами культуры калининградского региона.

УДК 316.723(471.26)
ББК 71.5(2Рос-4Как)

ISBN 978-5-9971-0090-2

© Андрейчук Н. В., Гаврилина Л. М., 2011
© РГУ им. И. Канта, 2011

Оглавление

Введение	3
I. Теоретико-методологические основания исследования калининградской региональной субкультуры	11
Социальное и культурное	11
Культура	13
Культурное пространство	20
Социокультурная стратификация	23
Региональная культура	27
«Культурное ядро»: ставшее и становящееся	29
Проблемы межкультурного взаимодействия	32
II. Калининградская региональная субкультура	36
Объектные основания и субъектные факторы	37
Этнокультурный феномен	40
Ментальность	43
Идентичность и самоидентификация	46
Пограничность	55
Ценности	62
Калининградская региональная субкультура и проблема сепаратизма	71
III. Картина мира и образ мира в системе калининградской региональной субкультуры	82
IV. «Калининградский текст» в пространстве калининградской региональной субкультуры	100

V. Проблема культурного разнообразия социума	112
Заключение	124
Приложение. Социокультурные трансформации в пространстве ка- лининградской региональной субкультуры: по итогам социологи- ческих и социально-психологических исследований	127

Введение

Магистральное направление развития человечества в последние столетия определяется расширением взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, народов и их культур. Процессы модернизации и глобализации, сопровождающиеся ускорением культурной динамики, усилением культурной гомогенности, нарастанием неопределенности на фоне универсалистских тенденций, таят в себе опасность нивелировки культурной отличительности и тем самым стимулируют поиск оснований и маркеров культурной специфичности и устойчивости. Тема соотношения «глобального» и «локального» в социогуманитарных исследованиях стала сквозной в последние десять лет. Постмодернистская апология различия, актуальность дефиниции «свой» — «чужой», идеи мультикультурализма, получившие распространение в последние десятилетия, тому пример.

Современная культурная ситуация характеризуется возрастанием неопределенности, обусловленной взаимодействием двух противоположных тенденций: универсализма и партикуляризма, усиления культурного единства и увеличения культурного, этнического, религиозного многообразия. С одной стороны, угроза утраты культурной самобытности социальных общностей, в перспективе трансформирующейся в культурную однородность и унифицированность, с другой — возрас-

тание тенденций к культурному «разъединению», «конфликту цивилизаций». И то и другое никак не способствует устойчивому функционированию и развитию социума. Многократно усилившиеся неопределенность, сложность и противоречивость современного мира стимулируют процессы самопознания, самоидентификации.

В этих условиях в социогуманитарных исследованиях чрезвычайно актуализируются тема соотношения «глобального» и «локального», проблема культурного самоопределения и сохранения культурной специфичности в условиях интенсивного и постоянного взаимодействия культур. На прошедшем в августе 2003 года XXI Всемирном философском конгрессе — «Философия перед лицом мировых проблем» — значительное внимание уделялось обсуждению феномена глобализации и тех вызовов, которые она несет социуму, культуре, человеку. В последней четверти XX столетия в мире стали нарастать процессы ослабления и слома традиционных территориальных, социокультурных и государственно-политических барьеров, сопровождающиеся потерей государствами национальной автономии в макроэкономической сфере и становлением новой, лишенной всякого протекционизма системы международного взаимодействия и взаимосвязи. К сегодняшнему дню в социальных науках достаточно глубоко проанализированы экономические, политические и культурные аспекты формирования глобального мира. Вместе с тем представляется, что требуется более детально прояснить вопрос о влиянии глобализации на процессы становления и развития личности. В реальных структурах повседневности глобализация нередко оборачивается вестернизацией, и в формирующемся в этих условиях базисном типе личности могут преобладать характеристики западного «фаустовского» человека. В ответ на это в повседневных практиках социокультурных общностей разного порядка возрастает стремление к сохранению своей самобытности (культурной, этнической, религиозной) как на национальном, так и на территориальном уровнях. Последнее об-

стоятельство может иметь и положительные, и отрицательные последствия (сепаратизм, тенденции культурной изоляции, агрессивная культурная экспансия и т. п.).

Резко возросшая интенсивность межкультурного общения и взаимодействия, диалог культур стали одной из центральных тем для современной гуманитаристики, такой же, как для XIX века была тема прогресса, или для рубежа XIX—XX веков — проблема соотношения культуры и цивилизации. В условиях глобализирующегося мира сохранение культурного многообразия социума становится одним из условий устойчивого развития цивилизации. В этом контексте анализ механизмов взаимодействия универсалистских и партикуляристских тенденций в процессах воспроизводства культурной отличительности, механизмов самоорганизации жизнедеятельности общества, форм и способов культурного самоопределения и поиска культурной специфичности являются актуальнейшими задачами для современной социальной философии и культурологии.

Указанные выше процессы носят всеобщий, планетарный характер, однако их актуализация и преломление в различных культурных, социальных, экономических, политических, идеологических условиях отличаются высокой степенью вариативности¹. В нашей стране помимо проявления глобальных процессов, о которых речь шла выше, существует и специфический российский ракурс измерения проблемы, связанный с постсоветскими реалиями. Еще не совсем пережитое страной «смутное время», особенности переходного периода активизировали рост национального самосознания и глубоко укорененный в отечественной интеллектуальной традиции поиск новой социальной, национальной, этнической, культурной идентичности. Проблема взаимоотношения России и Запада, феномена «русской идеи» как некоего идеального принципа самоидентификации приобрели новое звучание и значение, увеличиваю-

¹ См., например: *Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире* / под ред. Питера Л. Бергера [и др.]; пер. с англ. В. В. Сапова; под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2004.

щееся по мере интенсификации интеграционных процессов в Европе и роста неоевразийских настроений в современном российском обществе. Все пространство бывшего Советского Союза захлестнул процесс регионализации и конструирования идентичностей как способа суверенизации². В связи с этим чрезвычайную актуальность приобрела проблема соотношения общенационального и локального, регионального.

В калининградском культурном контексте эти процессы, по понятным причинам, приобрели особое своеобразие. Образование немногим более 60 лет назад на территории бывшей Восточной Пруссии Калининградской области в составе Российской Федерации положило начало формированию интереснейшего социокультурного феномена, исследованием которого сегодня заняты многие историки, социологи, политологи, философы, культурологи как в самом Калининграде, так и далеко за его пределами — в России и Европе.

Проблема калининградской специфики в последние два десятилетия, прошедших после распада Советского Союза, стала постоянной темой для обсуждения на самых разных уровнях. Анализ экономических, политических, социальных, культурных и иных особенностей калининградской ситуации можно встретить как в специальной научной литературе, так и в газетной публицистике. С пресловутой калининградской спецификой сталкивается повседневно каждый житель области, на ее обсуждении создают себе имена политические лидеры и партии, она стала «головной болью» для федеральной власти и обязательным пунктом переговоров между Россией и странами ЕС.

В этом контексте представляется весьма значимым исследование феномена калининградской региональной субкультуры, развивающейся в условиях интенсивного межкультурного взаимодействия, анализ социокультурных трансформаций в

² См.: Малахов В. Неудобства с идентичностью // Малахов В. «Скромное обаяние расизма» и другие статьи. М.: Модест Колеров и «Дом интеллектуальной книги», 2001. С. 95—98.

пространстве эксклавной субкультуры как локального типа культуры национальной, осмысление особенностей социализации и инкультурации личности в условиях калининградского социума, выявление механизмов и возможных векторов развития социокультурной ситуации в регионе.

В качестве базовой модели для понимания культурной реальности Калининградской области как региональной субкультуры предлагаем системную модель исследования. Системная методология не нова, она достаточно давно и успешно используется при изучении культуры. Задачу системного анализа культуры ставил перед собой еще Л. Уайт, создавший концепцию культуры как самонастраивающейся системы. В России системные исследования культуры проводили М.С. Каган, Ю.М. Лотман, Ю.С. Степанов, В.С. Жидков, К.Б. Соколов, А.Я. Флиер, В.В. Василькова, Ю.В. Осокин и др. По инициативе Государственного института искусствознания издается специальный сборник «Системные исследования культуры»³. Однако применительно к региональной субкультуре (да еще с эксклавной спецификой) со значительной социокультурной динамикой и культурной неопределенностью, постоянно возрастающим культурным «дрейфом», системную методологию вряд ли можно считать достаточно разработанной. Системная модель исследования может быть реализована по трем основным направлениям:

- изучение относительно устойчивых элементов региональной культуры, обеспечивающих ее воспроизводство, преемственность на базовом уровне; эмпирически это анализ деятельности социокультурных институтов, проводимой в регионе культурной политики, ее содержания, форм и методов; системы образования — в целом «культурных вертикалей»;

- изучение «культурных горизонталей», т.е. самого поля культурных изменений, культурной сети, реально обеспечи-

³ См.: *Системные исследования культуры*. 2005 / науч. ред. В.С. Жидков. СПб.: Алетейя, 2006; *Системные исследования культуры*. 2008 / под ред. Г.В. Иванченко, В.С. Жидкова. СПб.: Алетейя, 2009.

вающей культурное многообразие, широту и глубину культурных модернизаций, их векторность (как в сторону «материковой» культуры, так и в диаметрально противоположном направлении); эмпирически это постоянный мониторинг культурной ситуации в регионе;

- наконец, изучение самого «субъекта-объекта» культурных изменений, носителя культурной активности во всем многообразии форм и способов деятельности — жителя Калининградской области как представителя особой этнокультурной общности (населения области). Эмпирически это исследование ментальности, причем как на уровне глобальной характеристики ее целостности, обусловленной сходными условиями инкультурации, так и на уровне локальных характеристик ментальности, свойственных разным социальным группам внутри этнокультурной общности.

Эвристическая притягательность системной модели, на наш взгляд, заключается в том, что она позволяет осуществить многофакторный анализ культурной реальности Калининградского региона, отследить динамику культурных процессов в их влиянии на воспроизводство процессов социальных, выявить соотношения «ставшего» и «становящегося» в культурной реальности в полноте их взаимопроникновения, увидеть «стыки» и механизмы этих процессов. Системная модель исследования региональной субкультуры как качественно особого вида культуры позволяет, таким образом, достаточно адекватно представить реальную культурную ситуацию и в определенной степени прогнозировать ее динамику.

I. Теоретико-методологические основания исследования калининградской региональной субкультуры

Социальное и культурное

В сфере современной социально-философской рефлексии все большее значение приобретают представления о социокультурных явлениях и процессах. Упрощенное понимание общества как совокупности экономически детерминированных общественных отношениях уходит в прошлое. Проблемное поле сегодняшнего социально-философского исследования в условиях возрастающей социальной неопределенности с необходимостью включает в себя осмысление социального как «ставшего», так и «становящегося», как «организованного», так и «самоорганизующегося». Самоорганизация жизнедеятельности общества в предельно широком смысле есть воспроизводство социального во всем многообразии его форм и полноте динамики. В постижении механизмов этого воспроизводства постоянно возрастает роль особой социокультурной теории и методологии.

Понимая и принимая различие социального и культурного как формы жизнедеятельности людей и ее содержания, подразумевая под социальной реальностью определенным образом

организованные структуры и способы взаимоотношений людей в их совместной деятельности (социальные институты, социальные ниши, вертикальные и горизонтальные связи, направления и каналы социальной мобильности и т.п.), а под культурной реальностью содержательное наполнение социальных форм (нормативные представления, ролевые предписания, ценностные приоритеты и т.п.), считаем невозможным не учитывать их тесную взаимосвязь и глубокое взаимопроникновение. В современном социально-философском и культурологическом знании это положение стало одним из важнейших методологических принципов. Исследование многих социальных явлений и процессов непродуктивно без учета их культурной составляющей. Эта методологическая установка создает условия для многофакторного подхода к изучению социокультурной реальности и позволяет избежать односторонности социального, технологического или культурного детерминизма. Этот подход был с успехом применен П. А. Сорокиным в его анализе социокультурных суперсистем⁴. В современных российских социально-философских исследованиях значимость социокультурной теории и методологии изучения человека и общества отстаивал А. С. Ахиезер, считавший, что при этом подходе «предмет исследования не редуцируется ни к человеческим отношениям в любой их форме, ни к культуре, но нацеливает познание прежде всего на переход между этими двумя аспектами человеческой жизни и деятельности, на их взаимопроникновение, взаимопритяжение, на способность человека эффективно совершать этот переход, рассматривать эту способность как возрастающую ценность. Этот переход можно рассматривать как цель и одновременно как результат, как содержание человеческой активности, действий, мысли, всей жизнедеятельности. Суть человека в данном случае рассматривается в его интеллектуальном, нравственном, творческом

⁴ См.: *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.

напряжении, направленном на развитие способностей обеспечивать собственное воспроизводство, собственную выживаемость, жизнеспособность»⁵. На макрокультурном уровне это означает воспроизводство общества, цивилизационного типа, больших социальных общностей, государства и т.п., на микрокультурном уровне — воспроизводство индивида в рамках соответствующей субкультуры и самой этой субкультуры.

Культура

Отмечать «смысловую полифонию», многообразие значений понятия «культура» в проблемном поле культурологии давно стало трюизмом. Все изобилие определений культуры не дает ответа на вопрос, что есть культура в реальности. Но оно дает возможность определить границы для включения тех или иных процессов и явлений в сферу изучения, позволяет избежать неоправданной редукции человеческих феноменов только к материальным или идеальным формам.

Современное понимание культуры складывалось по двум различным, но взаимодополняющим направлениям. Одно из них восходит к Т. Парсонсу⁶, рассматривавшему культуру как один из аналитических конструктов для анализа социального действия (феномен «становящегося»), второе — к К. Леви-Строссу⁷, считавшего культуру особой упорядоченной областью феноменов, противопоставляемой «природному» (феномен «ставшего»). «Пересечение» этих направлений позволяет понимать под культурой и содержание социальной жизни лю-

⁵ Ахиезер А. С. Философские основания социокультурной теории и методологии // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 29.

⁶ См.: Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000.

⁷ См.: Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1995.

дей, и фиксировать искусственность культурных явлений, и видеть предметный мир культуры — мир вещей, и включать в культуру образцы человеческих отношений — «паттерны», культурные универсалии, и, наконец, подразумевать под культурой символические объекты, в том числе ценности и нормы. Современная парадигма наук о культуре позволяет охарактеризовать ее «как присущий всякому устойчивому сообществу людей системный комплекс специфических и более или менее нормированных способов и форм социальной интеграции, организации, регуляции, познания, коммуникации, оценки и самоидентификации, образных рефлексий и интерпретаций, механизмов социализации личности и т. п., обладающий способностью к социальному и историческому самовоспроизводству, адаптивной изменчивости... Эмпирически этот комплекс определен в создаваемой людьми искусственной среде их обитания, составленной из произведенных ими материальных объектов, символических продуктов (знаний, идей, языков и пр.), технологий осуществления всякой целенаправленной и социально нормированной деятельности (от высокоспециализированной до обычаев образа жизни) и оценочных критериев (ценностных ориентаций), как совокупность «социальных конвенций», выраженных в вербальных и невербальных «текстах», аккумулирующих социальный опыт сообществ, накапливаемый и систематизируемый в ходе их истории»⁸.

Итак, категория «культура» в социально-философском контексте отражает, прежде всего, содержание совместной жизнедеятельности людей, биологически ненаследуемое, представляющее собой искусственные, созданные людьми объекты (артефакты). Под «культурой» следует понимать организованные совокупности материальных объектов, знаков и символов, идей и образов, технологий их изготовления и оперирования ими; устойчивых связей между людьми и способов

⁸ Флиер А. Я. Культура // Культурология. XX век: энциклопедия. Т. 1. СПб.: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. С. 338.

их регулирования; оценочных критериев, механизмов социализации и самореализации.

Социально-философское исследование культуры предполагает также анализ ее реального существования, проводимый по трем измерениям: культурное и природное, культурное и социальное, культурное и индивидуальное.

При всей очевидности различия между природными и культурными объектами, разграничить их не всегда просто: многие «чисто» природные объекты интегрированы в человеческую деятельность, люди обращаются к ним и с ними для реализации собственных интенций (потребностей, целей, желаний, интересов). Поэтому граница между культурным и природным, проходит не по линии «искусственное — естественное», но как водораздел между используемым и неиспользуемым, освоенным и неосвоенным в природной среде. К примеру, очевидно, что сельхозугодья, способы землепользования и т. п. представляют собой культурные и культурно-технологические явления и процессы.

Как уже было сказано выше, различие между культурным и социальным провести сложнее. Думается, что социальное в данном контексте предстает формой, культурное — содержанием. Социальная реальность — это определенным образом организованные структуры и способы взаимодействий, взаимоотношений людей в их совместной деятельности (социальные институты, социальные ниши, вертикальные и горизонтальные связи, направления и каналы социальной мобильности и т. п.). Культурная же реальность «выстраивается» через содержательное наполнение социальных форм, к примеру через функциональное содержание институциональных структур (ценностных приоритетов, нормативных представлений, ролевых предписаний и т. п.).

Граница между социальным и культурным проходит там, где становятся заметными различия между разными типами социальной реальности (как в общеисторическом, так и в конкретно-историческом смысле). В этом контексте культура вы-

ступает как целостность, как особая качественная характеристика совместной жизнедеятельности людей, обладающая своей спецификой в условиях определенного типа социальной реальности, конкретного общества или общностей, и в каждый исторический период. Так, о политической культуре определенного общества можно судить, основываясь на выделении устойчивых сочетаний легитимной и узурпированной власти, стереотипов действий правовых институтов, наличия или отсутствия гражданского общества, степени рационализированности массового поведения в политически значимых ситуациях и т. п. С этих же позиций можно рассуждать о хозяйственной, художественной или экономической культуре и т. д.⁹

Рассмотрим различия между культурным и индивидуальным. Вхождение человека в конкретную культуру осуществляется через процессы социализации и инкультурации. В реальности эти процессы тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Тем не менее теоретико-методологически и онтологически их можно и нужно различать. Социализация — это вхождение человека в общество, социальная адаптация — это процесс и результат приобретения и активного воспроизводства индивидом социального опыта, необходимого для исполнения социальных ролей. Она может осуществляться как стихийно в ходе воздействия на личность различных обстоятельств жизнедеятельности, так и в специализированных институтах воспитания и образования. Инкультурация же во многом есть процесс научения без специального обучения, она начинается

⁹ Необходимо отметить, что все сказанное выше отнюдь не ведет к отказу от термина «социокультурная реальность», эвристическая ценность которого в контексте многофакторного подхода была убедительно доказана еще в «интегральной социологии» П. А. Сорокина. В рамках нашего исследования определенное разграничение социального и культурного методологически оправданно. Мы полагаем, что в реальных процессах калининградской региональной социокультурной динамики темпы изменений «собственно социального» все-таки ниже, чем «собственно культурного».

с момента рождения и продолжается до конца человеческой жизни. Это освоение присущих культуре форм и способов миропонимания и поведения, обретение когнитивного, эмоционального и поведенческого сходства с представителями данной культуры в отличие от представителей других культур. Процесс инкультурации включает и адаптацию индивида к новым культурным условиям, культурным изменениям, и механизмы, с помощью которых определенная социальная общность (этническая, национальная, религиозная и т.п.) транслирует свои культурные стереотипы, «передает себя по наследству».

Антропологическое измерение культуры позволяет выявить два типа связей. Базовые потребности человека вызывают к жизни сходные механизмы или алгоритмы их удовлетворения, культурной адаптации, обеспечения устойчивости, трансляции и развития культурного опыта. В культурологии эти алгоритмы называются «универсальными культурными паттернами» или «общими детерминантами культуры»; в отечественной специальной литературе распространен термин «культурные универсалии». Обращение к культурным универсалиям как к механизмам или алгоритмам культурной адаптации позволяет выстроить связь: *человек-культура*, в которой человек выступает как творец, а культура как произведение. Второй тип связей конструируется по линии: *культура-человек*, где человек выступает как продукт культуры. Культура с присущими только ей системой ценностей и смыслов, специфической картиной мира, своеобразными традициями и обычаями, праздниками и ритуалами формирует человека. Она определяет его способность говорить на том или ином языке, чувствовать, думать, действовать, строить отношения с миром, другими людьми и т.д. Механизмы удовлетворения базовых человеческих потребностей универсальны, но наполнение их всегда специфично и обусловлено конкретной культурой.

Процессы социализации и инкультурации проходят одновременно, дополняя друг друга, однако не совпадают. Социальные, индивидуальные и личностные особенности могут

быть и не «собственно» культурными, но любые коллективные (корпоративные) стереотипы поведения, действий, суждений, оценок относятся исключительно к культурным явлениям. Индивидуально специфичны биологические (конституция организма, антропометрические характеристики и т.п.) и психические (темперамент, врожденные способности и т.п.) особенности людей. Социально специализированы и достаточно определены и наборы функций, соответствующие тем или иным социальным ролям. Но эти свойства не определяют в абсолютном смысле конкретных полей, направлений и способов культурной активности каждого индивида. Он осваивает культурные образцы в тех социальных нишах, в которых оказывается после рождения и в зависимости от того, как складывается его жизненный путь. В то же время индивидуальные особенности могут сказываться в вариациях усвоения и использования культурных универсалий вплоть до их полного изменения. Такое изменение становится культурным фактом после его признания и воспроизведения другими людьми, что является имманентным для общества источником социокультурной динамики. Эта динамика имеет историческую природу, т.е. последующие культурные изменения детерминированы предыдущим состоянием культуры. Все вышесказанное позволяет, на наш взгляд, представить конкретный механизм культурного движения и развития.

Подведем некоторые итоги. Культурная жизнь людей, с одной стороны, детерминируется природными и социальными условиями их существования, с другой — сама оказывает влияние на их изменение. К примеру, людям приходится приспосабливаться к климату, почве, составу воды, флоре и фауне, наличествующим на территории проживания. Но они могут изменить состав почвы внесением удобрений, создать технологию очистки воды, усилить полезные и ослабить вредные для себя компоненты флоры и фауны. То же относится и к искусственной среде: например, урбанизация и ее последствия во многом определяются культурой того или иного общества.

Культура имеет дифференцированное содержание по типу общества, сообщества или социальных общностей: цивилизационное, региональное, этническое, стратификационное и т. п.; т. е. определенные ее элементы специально направлены на сохранение и воспроизводство специфических, отличающихся друг от друга социальных объединений. Так, представители различных социальных слоев даже внешне отличаются друг от друга — речью, одеждой, пластикой; глубинные отличия проявляются в формах и способах социальной активности, детерминированных определенными системами ценностей. Такие отличия фиксируются в понятии «стиль жизни».

Этническая, региональная, цивилизационная специфики отражаются в языке, ментальности, относительно разделяемой идеологии (религиозных, политических, моральных доктринах); общих стилистических принципах осуществления жизнедеятельности (культурных универсалиях, закономерностях конструирования формы, в отношении к пространству и времени, степени активности, направленности и рационализованности в отношениях со средой). Специфика такого рода отражается в относительно устойчивых когнитивных «образах мира», символически закрепляется в произведениях искусства и нормативных актах, т. е. объективируется и демонстрируется.

Как качественно-специфический феномен культура обладает внутренней целостностью, системностью; ее компоненты взаимосвязаны и находятся в определенных отношениях с другими аспектами человеческой жизнедеятельности. Внутренняя структурированность, упорядоченность компонентов культуры имеет конкретно-историческую конфигурацию и изменяется со временем. Достоверно предвидеть, в какие конкретные культурные формы выльется процесс этих изменений (кризис социокультурной упорядоченности и его преодоление) трудно, но можно хотя бы наметить вектор исследовательского поиска.

Методологически правомерно структурные (т. е. относительно статичные) и динамические аспекты культуры изучать

раздельно. В центре внимания, таким образом, оказываются либо такие основания культуры, которые обеспечивают ее устойчивое функционирование и воспроизводство, либо те, которые сущностно определяют культурную динамику. В настоящее время именно факторы и механизмы, обуславливающие изменения в культуре, ее внутреннее многообразие, сложность реальной социокультурной жизни, становятся главным предметом в культурологических исследованиях.

Культурное пространство

Для анализа внутрикультурных структурных связей нам представляется весьма плодотворным использование концепта *культурное пространство*. Термины «культурное пространство», или «пространство культуры», получили достаточно большое распространение в современной гуманитаристике, хотя и не обрели четких дефиниций. Они используются для фиксации реального географического пространства, занятого и освоенного как практически, так и символически той или иной культурой¹⁰; иногда трактуются метафорически как «дом», «семейное гнездо», «спасительный ковчег», некое «вместилище», дающее укрытие и обеспечивающее единство социальных общностей¹¹; часто применяются для характеристики особенностей способов восприятия и переживания пространства в той или иной культуре¹².

¹⁰ См.: Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

¹¹ См.: Иконникова С. Н. История культурологических теорий. СПб.: Питер, 2005. С. 35—55.

¹² См.: Пигалев А. И. Пространство культуры // Культурология. XX век: энциклопедия. Т. 2. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 141—143.

Человеческое бытие протекает, как минимум, в трех пространствах: природном, социальном и культурном. Разделить эти пространства — не простая задача. Природное пространство имеет физические параметры и характеристики и является предметом исследования естественных наук: физики, астрономии, географии и т.д. Человек осваивает природное пространство физически и символически, тем самым частично включая его в культурное пространство. Социальное пространство — мир человеческих отношений, совокупность условий их совместной жизни. Если воспользоваться нашей демаркацией социального и культурного, приведенной выше, можно сказать, что социальное пространство — это «вместилище» для социальной реальности, в культурном пространстве размещена соответственно культурная реальность. Человек, существуя во всех трех пространствах, объединяет их; особенности человеческого бытия создают сложную многомерную конфигурацию их соотношения. Констатируя эту сложность, мы не ставим перед собой задачу проанализировать здесь эту конфигурацию; предметом нашего внимания в данном случае является именно культурное пространство.

Нам близки позиции тех исследователей, которые строят дифиниции культурного пространства на основе содержательной, смысловой, ценностно-регулятивной составляющей: это главное, что отличает культурную реальность от социальной. Представляется удачной модель культурного пространства, созданная А. С. Карминым¹³. Исходя из разрабатываемой им информационно-семиотической концепции культуры, он формулирует идею культурного пространства прежде всего как пространства смыслового, содержательного (по отношению к социальному пространству), «образованного множеством феноменов культуры, переплетающихся и взаимодействующих друг с другом»¹⁴. Культурное пространство, анализируемое по аналогии с физическим, характеризуется *тремя измерениями*:

¹³ См.: Кармин А. С. Культурология. СПб.: Лань, 2004. С. 200—232.

¹⁴ Там же. С. 202.

когнитивным, ценностным и регулятивным, соответствующими трем основным видам смыслов культуры — знаниям, ценностям и нормам.

Многочисленные феномены культуры, расположенные в этом трехмерном пространстве, образуют системы и комплексы, различные конфигурации которых автор называет *культурными формами*, определяя их как «формы, в которых существует, сохраняется и развивается информационно-знаковое содержание общественной жизни. Они выступают как способы, с помощью которых определяются условия, необходимые для удовлетворения и развития человеческих потребностей, и осуществляется «программное обеспечение» жизнедеятельности»¹⁵. Все культурные формы занимают в пространстве культуры определенную «нишу» в системе координат в соответствии с воплощением ими тех или иных специфических смыслов (когнитивных, ценностных и регулятивных). Каждая культурная форма обладает семантическим и социальным потенциалом, то есть она несет в себе определенное смысловое содержание и обладает разной степенью влияния на социум. При этом важно подчеркнуть, что Кармин не сводит культуру к совокупности идеальных образований. Культурные смыслы являются направляющими, ориентирующими людей в их деятельности, координирующими их совместные усилия; они запечатлеваются в предметном виде в культурных формах: мифологии, религии, философии, искусстве, праве, нравственности, политике, науке, технике, технологиях и т. д. Они растворены в ментальном поле культуры, заполняющем культурное пространство и создающем своеобразную «гравитацию» при формировании социокультурных миров (национальных культур, региональных, субкультур и т. д.).

¹⁵ Кармин А. С. Указ. соч. С. 203. Следует отметить, что культурная форма трактуется А. С. Карминым достаточно широко: наиболее крупные культурные формы — национальные, региональные культуры, цивилизационные типы, более дробные — субкультуры; одновременно культурными формами являются такие феномены культуры, как религия, искусство, спорт и т. д. — *Авт.*

Три измерения культурного пространства являются своеобразными осями координат, структурирующими пространство культуры, разделяющими его на три области: духовную культуру, культуру социальных отношений (социальную культуру) и технологическую культуру. Такого рода структура достаточно широко распространена в культурологическом знании, в частности она была использована одним из пионеров системного подхода к изучению культуры — Л. Уайтом в его работах, написанных в 40-х годах XX века¹⁶. Однако трудно согласиться со сформулированной Л. Уайтом позицией технологического детерминизма, призванной объяснить механизм взаимодействия между тремя областями культуры. В этом отношении нам представляется более адекватной концепция А. С. Кармина, которая предполагает более сложные взаимоотношения между тремя областями культуры, обусловленные той или иной конфигурацией различных типов смыслов: когнитивных, ценностных и регулятивных.

Модель культурного пространства как системы регулятивных ориентиров деятельности и различных форм культуросообразной практики привлекает своим системным характером, она учитывает все составляющие культуры, позволяет анализировать культурную статику и культурную динамику, акцентируя при этом сущностные смысловые основания культурной деятельности.

Социокультурная стратификация

Культура в социальном пространстве может быть представлена в виде сложного многоуровневого образования, имеющего, как минимум, пять измерений — от глобального до индивидуального:

¹⁶ См.: Уайт Л. Избранное: Наука о культуре. М.: РОССПЭН, 2004.

- 1) культура человечества;
- 2) культуры крупных ареалов (метакультуры, цивилизации);
- 3) культуры наций и народов;
- 4) субкультуры, региональные варианты культуры внутри национальных;
- 5) культура личности.

Каждый человек, обладая индивидуальной неповторимостью, принадлежит той или иной субкультуре, вместе с ней включен в национальную культуру, которая относится к тому или иному культурному ареалу, и т.д. Индивид несет в себе общечеловеческие, национально-специфические и уникально-личностные начала, так же как любая национальная культура соединяет универсальные общечеловеческие основания (1-й уровень), межнационально-специфические черты (2-й уровень) и уникальные национально-специфические особенности (3-й уровень).

При рассмотрении каждого из уровней культуры актуализируется специфический для него круг проблем, используется определенный масштаб. Так, первому уровню соответствует наиболее крупный масштаб, единицей анализа является человечество в целом, пространственные границы — вся планета, временные — история человечества. На первый план выдвигаются глобальные проблемы социокультурной динамики, связанные с адаптацией человечества к окружающему миру, а также — культурные универсалии как механизм адаптации, позволяющий сохранить стабильность, устойчивость культуры в целом и дать импульс к развитию.

При исследовании второго уровня культуры единицей рассмотрения становится крупный культурный ареал, цивилизация, межэтническая или надэтническая социокультурная общность (Восток, Запад, индо-буддийский, конфуцианско-буддийский, арабо-мусульманский культурные ареалы и т.д.). В данном случае актуализируются проблемы цивилизационной межнациональной специфики, выразившейся в особенностях социокультурного, религиозного, политического развития. В преде-

лах отдельных регионов ее формирование обусловлено общностью культурно-исторических судеб народов, сходством языков, процессами взаимодействия и взаимовлияния.

На третьем уровне социокультурной стратификации единицей анализа является культура народа, нации. В культуре каждого народа сложно переплетаются и взаимодействуют общечеловеческие основания и межнационально-специфические черты, присущие культурному ареалу в целом, а также национально-специфические особенности, представленные во множестве субкультурных интерпретаций. Наиболее актуальная задача для исследования этого уровня культуры — это выявление некоего «культурного ядра», сохраняющего свою стабильность в многообразных субкультурных вариациях.

При анализе четвертого уровня существования культуры на первый план выходит «цветущая сложность» субкультурных и региональных вариаций национально-специфических особенностей. На пятом уровне главными становятся проблемы индивидуального усвоения и интерпретации культурных норм, образцов, ценностей всех вышеперечисленных измерений культуры.

Предметом данного исследования является четвертый уровень нашей культурной стратификации — субкультурные и региональные вариации общенациональной культуры, проявляющиеся на конкретном примере развития культурной ситуации в Калининградской области. Начинать придется с терминов. Вариативность их употребления такова, что без дефиниций основных понятий не обойтись. При анализе социокультурной ситуации в Калининградской области в литературе используется широкий круг терминов: «региональная культура», «локальная культура», «местная культура» и т. д. Все они имеют множество различных толкований, что затрудняет их применение. Так, термин «локальная культура» обременен коннотациями, связанными с известной культурологической концепцией А. Тойнби. С понятием «региональная культура» ассоциируются культуры крупных культурных ареалов — Дальнего Востока, Европы, Африки и т. п. Термин «местная культура» слишком расплывчат. Таким образом, существует

необходимость в более строгой терминологической дефиниции культурного феномена, ставшего предметом нашего исследования. В этих целях полагаем необходимым обратиться к понятию субкультуры.

Термин «субкультура» вошел в научный оборот в 30-е годы, с тех пор прочно утвердился в научной лексике, активно используется в социологии, культурологии, этнологии, социальной и культурной антропологии, получил множество определений. В качестве оснований для выделения субкультур исследователи называют возрастные, профессиональные, поведенческие, территориальные, этнические, классовые и т.д. особенности той или иной группы людей. Это может быть также «общность картин мира, своеобразный «сгусток» норм, идей, ценностей и идеалов в общем поле культуры, к которому как к магниту, притягиваются и отдельные личности, и целые группы, разделяющие эти ценности»¹⁷.

Словарь «Современная западная социология» дает более широкое определение субкультуры как автономного целостного образования внутри господствующей культуры, определяющего стиль жизни и мышления ее носителей, отличающегося своими обычаями, нормами, комплексами ценностей и даже институтами. «В целом современные субкультуры представляют собой специфический способ дифференциации развитых национальных и региональных культур, в которых наряду с основной классической тенденцией существует ряд своеобразных культурных образований, как по форме, так и по содержанию отличающихся от ведущей культурной традиции, но являющихся в то же время прямым генетическим порождением последней»¹⁸. Мы будем использовать именно это широкое понимание термина, все более укореняющееся сегодня в науке.

¹⁷ *Художественная жизнь современного общества*. Т. 1: Субкультуры и этносы в художественной жизни / отв. ред. К. Б. Соколов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 2.

¹⁸ *Саркитов Н. Д.* Субкультура // *Современная западная социология: словарь*. М.: Политиздат, 1990. С. 336.

Региональная культура

Термин «регион» в последнее десятилетие получил широкое распространение в экономических, политических, культурологических исследованиях. В рамках экономической географии даже сложилось особое направление — «регионалистика», задачей которой стало изучение региональной вариативности и разработка принципов осуществления региональной политики. В употреблении термина сохраняются два подхода:

1) регион — область, район страны, отличающийся от других областей совокупностью естественных и (или) исторически сложившихся, относительно устойчивых экономико-географических и иных особенностей, нередко сочетающихся с особенностями национального состава населения;

2) регион — группа близлежащих стран, представляющих собой отдельный экономико-географический, или близкий по национальному составу и культуре, или однотипный по обществено-политическому строю район мира.

Первый подход позволяет говорить о вариативности культурного развития внутри национальных культур (культурное своеобразие русского Севера и южнорусских степей, Дальнего Востока и Сибири и т. д.) — это четвертый уровень нашей социокультурной стратификации. Второй подход связан с фиксацией наднациональных и межнациональных особенностей близлежащих культур, объединенных в культурные ареалы или метакультуры (западноевропейская, латиноамериканская, ближневосточная и т. п.) — это второй уровень социокультурной стратификации по нашей схеме. Первый подход позволяет рассматривать в качестве региона — Калининградскую область как российский эксклав на Балтике, второй включает Калининградскую область вместе с некоторыми другими областями российского Северо-Запада в Балтийский регион, объединяющий государства, имеющие выход к Балтийскому морю.

В рамках данной темы нас интересует первый подход: мы рассматриваем культуру, сложившуюся на территории Калининградской области, в качестве регионального варианта российской культуры. Авторы учебного пособия по региональной политике Ю. Н. Гладкий и А. И. Чистобаев справедливо отмечают, что «если в отдельных небольших по площади странах Запада иногда еще ставят под сомнение регионалистику как таковую... то для России (как и для многих обширных по территории, неоднородных по природным условиям, полиэтнических и поликонфессиональных государств) региональная теория и региональная практика представляют жизненную необходимость»¹⁹. В условиях Российской Федерации авторы определяют регион как «часть территории, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий. Причем регион не обязательно должен совпадать с границами субъекта Федерации — в ряде случаев он может объединять территории нескольких смежных субъектов»²⁰. Регионы выделяются по ряду существенных объективных признаков: природных, пространственных, социально-исторических, экономических, демографических, этноконфессиональных, геополитических, экологических. Рассматривается и влияние субъективных факторов (особенности сложения региональных элит, размеры коррупции и т.п.). Ясно, что совокупность указанных выше факторов не может не способствовать формированию своеобразия социокультурной ситуации в том или ином регионе. Чем выше плотность этих факторов, тем большим своеобразием будет отличаться социокультурная ситуация.

Соотнесем термины «субкультура» и «региональная культура». Если субкультура в широком смысле слова это модификация национальной культуры, в основе которой — множе-

¹⁹ Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Основы региональной политики. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1998. С. 193.

²⁰ Там же. С. 32.

ство разнообразных измерений (возрастные, профессиональные, территориальные и др.), а суть ее выражается в особенностях образа мира, системы ценностей, то региональную культуру можно рассматривать в качестве субкультуры, выделенной по территориальному признаку, т. е. региональная культура представляет собой частный случай субкультуры, в основе которого — принцип территориальной дифференциации.

В данном случае считаем правомерным введение понятия *региональная субкультура*, соединяющего в себе ряд важных моментов. С одной стороны, снимает сохранившуюся у большинства исследователей привязку термина «субкультура» к аспектам только социальной стратификации (половозрастной, профессиональной, девиантной и т. д.) и обозначает территориальный критерий выделения данной субкультуры. С другой стороны, подчеркивает подчиненный характер региональной культуры, ее включенность в состав более крупного культурного образования — национальной культуры.

Таким образом, можно определить региональную субкультуру как локализованный в пространстве и времени вариант национальной культуры, обладающий рядом особенностей, связанных с природно-климатическими и историческими условиями, хозяйственно-экономическим укладом, этнокультурной и социально-демографической спецификой, отличающийся обычаями, нормами, комплексами ценностей и даже институтами.

«Культурное ядро»: ставшее и становящееся

Региональные субкультуры являются составной частью культуры национальной, обладая всем комплексом ее базовых характеристик и выявленной местной спецификой. Для характеристики взаимоотношений между разными уровнями социокультурной стратификации обратимся к понятию культурного

ядра, все чаще используемого в культурологических исследованиях. *Культурное ядро* представляет собой «ставшее» в культуре, это наиболее устойчивые элементы культуры, принимаемые всеми или подавляющим большинством ее носителей (смыслы, ценности, формы деятельности, механизмы опредмечивания и т.п.). Именно наличие такого «культурного ядра» дает возможность всем носителям данной культуры понимать друг друга. В рамках того или иного сообщества культур «культурное ядро» включает все общесоциальное, разделяемое всеми членами данного социума, оно формирует «лицо», характер, психологию данного социума в целом. «Ядро культуры аккумулируется и реализуется в устной речи и в письменности, культурных памятниках и эталонных произведениях искусства, зодчества, литературы, живописи; наконец, в образцах общепринятой деятельности... Ядро культуры окружено особым защитным «поясом». Он образован системами ритуалов и обычаев, политической, экономической, семейно-бытовой деятельности и т.д., различными социальными и культурными институтами. Этот «пояс» выполняет две функции: с одной стороны, он транслирует информацию, идущую от ядра культуры, и тем самым регулирует культурную деятельность данного социума, а с другой — защищает, предохраняет это ядро от воздействий других культур. Благодаря этому, ядро культуры в «нормальном» обществе стабильно, устойчиво и крайне редко подвергается фундаментальным модификациям и трансформациям»²¹.

Свое собственное «культурное ядро» существует в глобальной общечеловеческой культуре, там оно включает, прежде всего, так называемые культурные универсалии. Есть свое культурное ядро в культурах крупных ареалов, в национальных культурах и субкультурах. Элементы «культурного ядра», сохраняя свою инвариантность, становятся основой культурного многообразия. Представляя неизменное, «ставшее», ядро культуры создает базу для динамического, «становящегося».

²¹ *Художественная жизнь современного общества*. С. 20.

Ядро национальной культуры — тот инвариант, который делает русскую культуру русской, китайскую — китайской, несмотря на многочисленные и многообразные вариации внутри каждой из них. Каждая субкультура — и региональная субкультура в том числе — сохраняет это национальное «культурное ядро» как каркас, на котором строится ее собственное «субкультурное ядро», и т. д.

Культура любого крупного народа в момент своей зрелости обретает, по выражению К. Леонтьева, «цветущую сложность» — торжество насыщенного разнообразием единства: социальная многослойность и многоукладность, «разнохарактерность областей», сложная «бытовая узорность», многообразие нравов, вкусов, обычаев, самобытность местных традиций. В России к этому еще добавляется полиэтничность (более ста народов) и поликонфессиональность (все три мировые религии и множество более мелких религиозных объединений и сект). Усугубляет «цветущую сложность» русской культуры бесконечное многообразие природно-климатических зон и ландшафтов, провоцирующих сложение различий в хозяйственной деятельности и вариативность образов жизни.

Важнейшей проблемой многих социально-философских, социологических и культурологических исследований стало выявление наиболее устойчивых элементов русской культуры единого «культурного ядра», само наличие которого иногда ставится под сомнение. Задача трудная и еще очень далека от своего разрешения, хотя, конечно, можно очертить некий круг факторов, чаще всего фигурирующих в качестве этноконсолидирующих признаков. Так, З. В. Сикевич, анализируя результаты большого комплексного социологического исследования, называет в качестве этноконсолидирующих признаков (по степени убывания значимости): государство, язык, образ жизни, общее историческое прошлое, народные традиции и обычаи²². Эвристически весьма плодотворными для выявления

²² См.: Сикевич З. В. Национальное самосознание русских: (Социологический очерк) / Ин-т «Открытое общество». М.: Механик, 1996. С. 89—93.

русского «культурного ядра» являются концепции «констант русской культуры» Ю. С. Степанова²³ и «русской души» как особого состояния массовой психики между Западом и Востоком» Д. В. Ольшанского²⁴.

В данном контексте культура Калининградской области может рассматриваться как региональная субкультура. Спектр оценок культурной ситуации в регионе чрезвычайно широк: от отрицания какого-либо своеобразия вообще до утверждения того, что здесь сформировалась особая «калининградская нация». Как это часто бывает, крайности всегда однобоки. Мы считаем возможным характеризовать культуру Калининградской области как *региональную субкультуру в составе русской российской культуры*. Калининградская региональная субкультура обладает яркой спецификой, обусловленной рядом объективных факторов: географических, геополитических, исторических, этнокультурных. К анализу этих факторов мы обратимся ниже.

Проблемы межкультурного взаимодействия

Проблемы межкультурного взаимодействия, диалога культур широко обсуждаются в современном социогуманитарном знании; в фокусе внимания многих авторов находится проблема разработки форм и типов взаимодействия между культурами. Вслед за большинством исследователей мы квалифицируем понятие «межкультурное взаимодействие» как гораздо более широкое, чем «диалог культур», который представляет одну из его форм. Среди множества типологий межкультурного

²³ См.: Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001.

²⁴ См.: Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб.: Питер, 2001. С. 113—138.

взаимодействия, представленных в современной литературе, обращает на себя внимание своей простотой и внятностью типология, разработанная российским историком Я. Г. Шемякиным²⁵, которой мы воспользуемся ниже при анализе калининградской ситуации.

Я. Г. Шемякин выделил три типа межкультурного взаимодействия. Первый — *противостояние* — полное отторжение инородной культурной реальности, с которой приходится поддерживать контакт. Второй — *симбиоз* — внутренне противоречивое соединение взаимопритяжения и взаимоотталкивания, когда каждая культура остается собою, но связи между ними становятся более тесными и заимствования происходят на глубинном уровне. Третий — *синтез* — процесс рождения нового качества культуры или порождающее взаимодействие. При противостоянии диалог отсутствует, можно говорить лишь о совокупности монологов. При симбиозе диалог идет, но он не затрагивает ценностного ядра, новые «чужие» элементы встраиваются в культуру рядом со «своими», мера трансформации чужого культурного текста невелика. Настоящий полноценный порождающий новые смыслы и ценности диалог культур развивается в процессе синтеза.

В условиях современного глобализирующегося мира все культуры так или иначе, в той или иной мере участвуют в межкультурном взаимодействии. Однако характер этого взаимодействия будет зависеть и от типа самих культур, участвующих в процессе. Очевидно, что в культурах «уединенных» (или «специфических») межкультурное взаимодействие будет происходить по-иному, чем в «серединных» (или «пограничных») типах культур. Первые, в силу своего географического положения или каких-то иных условий, оказываются достаточно закрытыми, замкнутыми, самодостаточными. Межкультурных контактов в их пространстве не очень много и они не оказывают существенного влияния на развитие культуры.

²⁵ См.: Шемякин Я. Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука, 2001.

Примерами такого типа культур могут быть традиционные культуры Востока, а также народов тропической Африки, Австралии. Чтобы быть точными, нужно отметить, что таких культур в современном мире остается все меньше. «Серединные», или «пограничные», культуры — это культуры, граничащие с другими культурными образованиями, активно с ними взаимодействующие, открытые, не замкнутые в себе. Количество культур и этносов, взаимодействующих в их географическом и духовном пространстве, по-видимому, перерастает в данном случае в особое качество. Общим для всех «пограничных» культурных образований является принцип преобладания многообразия над единообразием, гетерогенности над гомогенностью. Таковы, по мнению исследователей, культуры стран Латинской Америки, народов, проживающих на Балканах и Пиренеях²⁶. Такова русская культура с ее «всепониманием» и отзывчивостью. Эти качества русской культуры активно проявляются в условиях калининградской региональной субкультуры, которая с уверенностью может быть отнесена к культурам «пограничного» типа.

Под влиянием структуралистской методологии взаимоотношение культуры с инокультурным окружением в современных культурологических исследованиях нередко рассматривается как соотношение «текста» и «контекста». «Текст» соответственно — культура, «контекст» — ее инокультурное окружение. «Текст», в сравнении с «контекстом», ограничен в объеме, структурирован, функционально организован, освоен носителями культуры. «Контекст» принципиально безграничен, не обладает ясной структурой, концептуально и функционально аморфен, не освоен. В процессе межкультурного взаимодействия происходит сопоставление «текста» и «контекста», что стимулирует процессы идентификации, интерпретации, может приводить к заимствованию инокультурных смыс-

²⁶ См.: Семенов С.И. Ибероамериканская и восточноевразийская общности как пограничные культуры // *Общественные науки и современность*. 1994. №2; Шемякин Я.Г. Указ. соч.

лов, феноменов, форм или их отторжению. В условиях уединенных или специфических культур граница между «текстом» и «контекстом» очевидна для носителей культуры, «свое» и «чужое» определенно разведены, семантически разграничены. В ситуации пограничной культуры «текст» сложно переплетается с «контекстом», образуя неоднородное интертекстуальное пространство. Современные исследователи характеризуют семантику пограничных культур как внутренне противоречивую, поляризованную, непредсказуемую, даже «взрывоопасную». «Пограничные культуры в силу своей принципиальной интертекстуальности, открыты для межкультурного диалога... Отсюда происходит их интернациональная отзывчивость, ценностно-смысловая универсальность и широта, кросс-культурная мобильность — свойства, во многом порожденные размытостью границ между пограничной культурой и ее контекстом. Пограничные культуры представляют собой в большинстве случаев явления, характеризующиеся большей степенью сложности... Культурно-исторический процесс в подобных культурах носит особенно непредсказуемый, творчески-поисковый характер; пограничность в культуре предопределяет ее мощную, нередко гипертрофированную инновативность (подчас превращающуюся в самоцель культуры)»²⁷.

²⁷ Кондаков И. В. *Интерсубъективность культуры // Человек как субъект культуры*. М.: Наука, 2002. С. 164.

II. Калининградская региональная субкультура

Сформулированные выше теоретико-методологические позиции нами используются как основания для социально-философского и культурологического анализа социокультурной реальности нашего эксклавного региона. Важнейшим из этих оснований стало обоснование возможности рассмотрения культуры Калининградской области как региональной субкультуры в составе русской российской культуры. Напомним, что под региональной субкультурой понимаем локализованный в пространстве и времени вариант национальной культуры, обладающий рядом особенностей, связанных с природно-климатическими и историческими условиями, хозяйственно-экономическим укладом, этнокультурной и социально-демографической спецификой; отличающийся обычаями, нормами, комплексами ценностей и даже институтами. Региональная субкультура является составной частью культуры национальной и обладает всем комплексом ее базовых характеристик, но одновременно — и явно выявленной местной спецификой.

Основания для выделения калининградской региональной субкультуры могут быть разделены на *субъектные*, связанные с характеристикой субъекта-носителя данной субкультуры, его ментальностью и идентичностью, и *объектные*, воплощенные в наличном бытии культуры: в совокупности условий (истори-

ческих, геополитических, этнокультурных и т. д.) существования региона и в семантике культурного пространства, запечатленной в особенностях культурного ландшафта, в топонимике, мифологии, вербальных дискурсах и т. д. Излишне говорить о сложном, неоднозначном характере взаимодействия субъектных и объектных факторов и их взаимовлияния. В исследовательских процедурах переход от одних факторов к другим будет неизбежным условием анализа. Усложняет ситуацию тот факт, что в каждом из них есть относительно устойчивые образования, которые можно отнести к так называемому «культурному ядру», и менее устойчивые, подвижные элементы, составляющие «культурную периферию». Эта сложная динамика «ставшего» и «становящегося», невозможность их четкого разграничения — одна из проблем исследования и его необходимый ракурс.

Объектные основания и субъектные факторы

Логически оправданным является первоначальное обращение к *объектным* основаниям калининградской региональной субкультуры, многие из них очевидны, и именно их анализ стал когда-то первым импульсом к исследованиям²⁸.

Геополитические особенности очевидны: это удаленность области от российского культурного «материка», что затрудняет общение с ним, и инокультурное окружение в социальном пространстве, что создает условия для активного межкультурного взаимодействия.

Исторические факторы калининградского своеобразия — оторванность от исторических корней русской культуры, ино-

²⁸ См.: Андрейчук Н. В., Гаврилина Л. М. Инкультурация личности: этнокультурный аспект // Трансцендентальная антропология и логика. Калининград: Изд-во КГУ, 2000. С. 217—227.

культурное «соседство» во времени. Калининградская региональная субкультура развивается на территории бывшей Восточной Пруссии. Не являясь естественной преемницей немецкой культуры, существовавшей здесь до 1945 года, она вступает в закономерное и неизбежное взаимодействие с сохранившимися элементами восточнопрусского наследия. По нашему мнению, межкультурное взаимодействие происходит не только через контакты между людьми, но и через предметный мир. На этом мы специально остановимся чуть ниже.

Социокультурные особенности проявились в повышенной плотности и интенсивности межкультурных «зарубежных» контактов, ставших не только возможными, но и абсолютно неизбежными с начала 90-х годов прошедшего века, что обеспечивает возможность постоянной и активной трансплантации элементов чужой культуры на уровне структур повседневности.

Этнокультурное своеобразие определено особенностями заселения области и спецификой формирования ее населения, насыщенностью внутрикультурных взаимоотношений между представителями разных этносов и субэтносов. На небольшой территории области происходил неизбежный процесс смешения культурных традиций, приводивший к нивелировке этнокультурного своеобразия отдельных групп переселенцев. Более того, можно говорить о формировании своеобразного этнокультурного феномена, связанного с определенным осознанием субъектом-носителем субкультуры своей особенности.

После распада Советского Союза в 1991 году влияние перечисленных выше факторов стало явным и интенсивным, что и обусловило формирование на территории Калининградского эксклава региональной субкультуры в составе российской общенациональной культуры.

Эксклавное положение региона, совокупность геополитических, исторических, этнокультурных, демографических факторов, безусловно, создают совершенно специфические условия развития социокультурной ситуации в области, отлича-

тельной особенностью которой становится ярко выраженная «пограничность», имеющая диахроническое и синхроническое измерения. Первое связано с исторической спецификой региона и определено межкультурным взаимодействием во времени немецкого, восточно-прусского и русского, советского, культурных оснований. Синхроническое же измерение отражает необходимые и неизбежные плотные культурные взаимодействия с ближайшими европейскими соседями — Польшей и Литвой, а также гораздо более интенсивные, чем у других российских регионов, культурные взаимосвязи с европейскими странами, и прежде всего с Германией. К проблеме пограничности мы еще вернемся ниже.

Перейдем от *объектных* факторов — к *субъектным*: к анализу того, как особенности наличного бытия влияют на формирование субъекта-носителя культуры. Очевидно, что в описанных условиях, при вполне российском характере социализации, инкультурация личности имеет явно выраженные особенности, обусловленные указанной «пограничностью» калининградской региональной субкультуры. В отличие от социализации, осуществляющейся в специализированных институтах, инкультурация представляет собой процесс научения без специального обучения. Она происходит в структурах повседневности и носит перманентный характер, начинаясь с момента рождения и продолжаясь всю жизнь человека. Это процесс вхождения индивида в конкретную культуру, освоение присущих ей форм и способов поведения и миропонимания, приобретение поведенческого, когнитивного (ценности, верования, знания, образы мира и т. п.) и ментального сходства с представителями данной культуры в отличие от представителей других культур. Инкультурация как бы «дополняет» процесс социализации, включая и адаптацию индивида к новым культурным условиям (аккультурация как процесс вхождения индивида в новую для него культуру), культурным изменениям и механизмы, с помощью которых этническая группа

транслирует свои культурные особенности и стереотипы, наследственно воспроизводит себя. Для характеристики субъектных факторов калининградской региональной субкультуры используем понятие этнокультурного феномена, в качестве которого выступает население области, а также проанализируем феномены региональной идентичности и ментальности.

Этнокультурный феномен

Для начала нужно отметить, что так называемый «этнический парадокс» конца XX века, «взрыв» этничности, стимулировали и активизировали исследования категории «этнос», хотя общепризнанного понимания его природы, характера и строения пока не сложилось. Нам представляются весьма плодотворными подходы, развиваемые в рамках этнопсихологии, когда стержневым для понимания этноса является обращение к анализу культурно-психологических аспектов этнической идентичности, ее детерминирующего влияния на развитие личности в этнокультурной среде. При этом справедливо отмечается, что традиционное выделение известных географических, исторических, экономических, культурных характеристик в качестве этнодифференцирующих признаков не совсем удачно, к тому же неуклонно сокращается в связи с унификацией культуры. В качестве этнодифференцирующих и этноконсолидирующих критериев, на которых строится осознание этнической принадлежности, предлагается рассматривать не столько объективные отличия культурных характеристик и элементов, сколько их субъективные восприятия и оценки в качестве таковых членами этнической общности.

Современная социокультурная реальность Калининградской области такова, что, на наш взгляд, позволяет допустить

в качестве гипотезы возможность формирования здесь особой этнической общности. Во всяком случае, мы полагаем уместным использовать в этом контексте термин *этнокультурный феномен*, имея в виду то понимание этничности, которое получает поддержку все большего числа современных исследователей: «этнос — устойчивая в своем существовании группа людей, осознающих себя ее членами на основе любых признаков, воспринимаемых как этнодифференцирующие»²⁹. Этнос, нация — это нечто, содержащееся в сознании человека, а проблема этнических особенностей — проблема социально-психологическая. «Этническая общность — это, прежде всего, общность представлений о каких-либо признаках, а не сама по себе культурная отличительность»³⁰.

Процессы инкультурации личности в условиях калининградской региональной субкультуры привели, по нашему мнению, к формированию калининградского *этнокультурного феномена*: «переселенец» сотворил и творит культуру Калининградского региона, она же, в свою очередь, «творит» личность жителя области. Калининградский этнокультурный феномен — это население области (и прежде всего Калининграда) не только как субъект-носитель определенной культурной отличительности, но и как социальная общность, обладающая сходными представлениями о признаках этой отличительности. Осознание своей принадлежности к этой общности, самопозиционирование в качестве ее представителей сопровождаются частичной деперсонификацией самовосприятия и реализуются в появлении чувства, оценки — «Мы» (свои, похожие друг на друга) и «Они» (иные, другие, не похожие на нас). Субъективизм, пристрастность и эмоциональность подобных представлений очевидны, что отнюдь не препятствует само-

²⁹ Стефаненко Т. Этнопсихология. М.: Академический проект, 1999. С. 32.

³⁰ Там же.

идентификации членов этнической общности и эффективному опознаванию их представителями других общностей. В сегодняшнем неопределенно сложном мире именно этническая идентичность, детерминируемая самоидентификацией, обуславливает известную стабильность этнических общностей и межэтнические отношения³¹.

Этническая общность формируется как результат «ближнего взаимодействия», вне действия государственных институтов, наличие которых предполагают национальные общности. Стоит отметить, что границы региональной субкультуры никак не связаны с границами субъекта РФ — Калининградской области. Будь на территории эксклава две или три области, они скорее всего представляли бы собой все то же единое образование, названное нами региональной субкультурой.

Итак, этническая общность — это прежде всего общность представлений о каких-либо признаках, а не сама по себе культурная отличительность. Примеров существования такого рода представлений о наличии отличительных признаков у жителей Калининградской области («мы такие, а они — другие») можно привести достаточно много. Они представлены в многочисленных публикациях, выявлены в исследованиях социологической лаборатории РГУ им. И. Канта, в опросах «Среднерусского консалтингового центра», проведенного по заказу московского представительства фонда имени Эберта, в

³¹ Постановка вопроса об этнических группах внутри русского народа имеет давнюю традицию в этнологических исследованиях; она сохранена и в вышедшей недавно большой коллективной монографии «Русские» (М.: Наука, 1999), авторы которой посвятили отдельную главу этническим группам русского народа, рассмотрев в ней историко-культурные региональные группы русских северной зоны, южной зоны и Центра, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и Казахстана, казачества, а также русскую диаспору за рубежом. В этом контексте постановка вопроса о формировании этнокультурного феномена в Калининградской области выглядит вполне уместно.

том числе и в письменных интервью, неоднократно проводившихся авторами³². Общий вывод для всех исследований — это заметное преобладание региональной идентичности над общероссийской.

Ментальность

Качественной характеристикой этнокультурного феномена является ментальность. Термин «менталитет», «ментальность» в последние годы широко используется в специальной литературе, вошел он и в обыденную лексику. В научных дефинициях этого термина подчеркивается его культурно-психологическое содержание. Здесь уместно заметить, что именно в этом смысле феномен ментальности отмечал еще И. Кант, обращаясь в своей работе «Антропология с прагматической точки зрения» к проблеме характера народа³³. Понятие ментальности отража-

³² См.: *Попадин А. Н.* Местное время: прогулки по Калининграду. Калининград: Янтар. сказ, 1998; *Кретицин Г. В.* Проблема идентичности калининградцев // Калининградский социум в европейском измерении. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. С. 50—93; *Чабанова А. В.* Дифференцированность калининградского социума (по итогам социологического обследования) // Там же. С. 94—122; *Алимтеева А. В.* Калининградцы: проблема социальной идентичности // Идентичность в контексте глобализации: Европа, Россия, США. Калининград: Изд-во КГУ, 2003; *Новости* агентства Росбалт, 04/01/2003. URL: www.rosbalt.ru; *Регион* сотрудничества. Вып. 6 (31): *Клемешев А. П., Фёдоров Г. М.* Калининградский социум: по результатам социологических обследований 2001—2004 гг. Калининград: Изд-во КГУ, 2004; *Социологическое* обследование калининградского социума // *Регион* сотрудничества. Вып. 3 (46): Проблема сепаратизма в условиях анклавных территорий. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005.

³³ *Кант И.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. С. 350—360.

ет глубинный уровень индивидуального и коллективного сознания, включающий и бессознательное, совокупность готовностей, предрасположенностей индивида или социальной группы воспринимать мир, чувствовать и действовать определенным образом. «Ментальность, менталитет — общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого-либо сообщества... Восприятие мира формируется в глубинах подсознания. Следовательно, ментальность — то общее, что рождается из природных данных и социально обусловленных компонентов и раскрывает представление человека о жизненном мире. Навыки осознания окружающего, мыслительные схемы, образные комплексы находят в ментальности свое культурное обнаружение... Ментальность как понятие позволяет соединить аналитическое мышление, развитые формы сознания с полуосознанными культурными шифрами»³⁴. Ментальность как явление отличается намного более устойчивым характером, нежели общественное сознание или общественные настроения, она включает в себя ценности и ценностные ориентации, но не исчерпывается ими. Захватывая бессознательное, ментальность выражает жизненные установки людей, их эмоциональные предпочтения, устойчивые образы мира, свойственные данному сообществу и культурной традиции.

Субъектами-носителями менталитета могут быть самые разные социальные общности и группы: национальные, этнические, региональные, религиозные, политические и т.п., а также классы, слои, страты и т.п. Концептуальным критерием их ментального отличия является то, что они по-разному, «по-своему», осознают свою природную и социокультурную реальность, а также самих себя. Именно в этом контексте понятие «менталитет» и было введено его «отцами-основателями»

³⁴ Гуревич П. С., Шульман О. И. Ментальность, менталитет // Культурология. XX век: энциклопедия. Т. 2. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 25.

в рамках исторической и культурной антропологии (Л. Леви-Брюль, Л. Февр, М. Блок и др.). Ментальность закрепляется в культурной картине мира, в хронотопе, в системе ценностей и представляет собой своеобразную глубинную коллективную память.

Ментальность складывается под воздействием множества факторов, определяющих культурно-историческое развитие, и является одновременно и очень консервативным образованием, и достаточно пластичным, подверженным изменениям. В ней есть как стабильное «ставшее», так и подвижное «становящееся». «Ядром» ментальности — наиболее стабильной целостностью, являются *ценности*, которые в современном гуманитарном знании интерпретируются как сложные, определенным образом сгруппированные принципы, придающие стройность и направленность разнообразным мотивам человеческого мышления и деятельности. Периферийные слои ментальности связаны с образной картиной мира, они представляют более пластичное и подвижное образование. На глубинном уровне сохраняются общенациональные архетипы, а на периферийном, поверхностном уровне под влиянием структур повседневности проявляются вариативные особенности. Они особенно заметны в стандартных, нормальных условиях. В случаях возрастания социальной неопределенности, нестабильности, кризиса актуализируются глубинные слои ментальности. Это хорошо видно на примере калининградской ситуации, что мы покажем ниже.

Итак, калининградский этнокультурный феномен представляет собой некую этническую общность, складывающуюся в рамках определенной региональной субкультуры и характеризующуюся известной ментальной отличительностью. Региональная ментальность еще формируется, она представляет собой весьма полифоничное и «пестрое», но одновременно достаточно целостное явление в современной российской социально-психологической действительности. Ее содержательными характеристиками становятся определенные социальные представления (моральные, политические, правовые, религи-

озные, художественные и т. п.) и самоидентификации (определения этнокультурной идентичности), т. е. ментальное сознание и самосознание населения региона; причем как на уровне глобальной характеристики региональной ментальности — ее целостности, так и на уровне ее локальных характеристик, свойственных разным социальным группам внутри данной этнической общности. В ходе развития наших исследований была сформулирована гипотеза, нашедшая подтверждение в данных конкретно-социологических исследований, о том, что у населения Калининградской области преобладает общероссийская ментальность, особенно в ее глубинном ценностном измерении³⁵. Это естественно: Калининградская область, хотя и эксклав, но российский регион, и процессы социализации личности здесь типично российские. Однако, как мы уже отмечали выше, разительно отличаются процессы инкультурации, в которых трансплантация иного, «не российского», культурного продукта осуществляется через структуры повседневности в условиях интенсивного межкультурного взаимодействия. Это, несомненно, сказывается на специфике культурной самоидентификации личности.

Идентичность и самоидентификация

Обсуждение проблемы идентичности заметно осложняется значительной терминологической неопределенностью: понятия «идентичность», «идентификация» зачастую наделяются авторами абсолютно разным содержанием. В свое время В. В. Носков, проанализировав практику употребления этих понятий в отечественной специальной литературе, охарактеризовал ее

³⁵ Подробнее см.: *Андрейчук Н. В., Гаврилина Л. М.* «Европейство» калининградцев: миф или реальность? // *Космополис*. 2005. № 13. С. 90—97.

как «хаос и произвол»³⁶. Активное использование термина «идентичность» в контексте разных направлений социогуманитарной мысли, общественно-политической и публицистической риторике, а также широкое употребление слова в обыденной речи, породили множество его значений. Однако сегодня, пожалуй, можно констатировать, что в ходе интенсивных дискуссий в последние два десятилетия сформировался некий круг устоявшихся представлений об идентичности.

Так, идентичность представляется многосоставным феноменом, в котором исследователи выделяют родовую (человек в его отличии от животных и неживой природы), групповую (этническую, гендерную, гражданскую, государственную и пр.) и индивидуальную («я» в отличие от всех других) идентичности. Весьма распространенными являются представления о двух «организационно-структурных, иерархических» уровнях идентичности: индивидуальном и социальном (коллективном). В контексте индивидуальной идентичности рассматривают отношение человека к самому себе, осознание им самого себя, становление которого происходит в ходе социальных взаимодействий. Коллективная же идентичность трактуется не столько как осознание определенным сообществом людей своей общности, сколько как приписываемое ему извне определенное значение. Индивидуальный уровень — это набор персональных характеристик, делающих данного индивида уникальным. Социальный — связан с нормами и ожиданиями социокультурной среды, в которую он погружен. Эти два уровня тесно взаимосвязаны, так как представления индивида о самом себе возникают и развиваются под значительным влиянием на него установок социума. Собственные нормы индивида могут не всегда совпадать с нормами и ролями, кото-

³⁶ Носков В.В. Понятие «идентичность» в современной историографии: практика употребления термина // Идентичность в контексте глобализации: Европа, США. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 19—42.

рые он принимает или которые ему приписываются в ходе социальных интеракций. Для формирования устойчивой идентичности необходимо достижение определенного равновесия индивидуального и социального уровней. В зависимости от оснований идентификации можно выделять различные типы социальной идентичности: профессиональная, политическая, религиозная, культурная, этническая, региональная и др.

Оформились и другие составляющие концепта идентичности. Так, по мнению многих современных исследователей, идентичность содержит как поверхностный осознаваемый, как и глубинный неосознаваемый слой. Т. Г. Стефаненко выделяет в структуре идентичности «два основных компонента — *когнитивный* (знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя ее членом на основе этнодифференцирующих признаков: узнавание, распознавание «своего/чужого») и *аффективный* (переживание сходства/различия, оценка, формирование определенного отношения, чувство привязанности к группе, оценка ее качеств, отношение к членству в ней)»³⁷. Другие исследователи выявляют третий элемент в структуре этнической идентичности — *нормативный* (принятие той или иной совокупности образцов, норм, стереотипов поведения). Российский этнопсихолог Г. У. Солдатова считает важным компонентом идентичности *мифологичность*: «ее главная опора — идея или миф об общих культуре, происхождении, истории»³⁸.

Весьма авторитетное издание — «Новая философская энциклопедия» — определяет идентичность следующим образом: это «категория социально-гуманитарных наук... применяемая для описания индивидов и групп в качестве относительно устойчивых, «тождественных самим себе» целостностей. Идентичность есть не свойство (т. е. присущее индивиду

³⁷ Стефаненко Т. Г. Указ. соч. С. 211.

³⁸ Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. С. 48.

изначально), но отношение. Она формируется, закрепляется (или, напротив, переопределяется, трансформируется) только в ходе социального взаимодействия. В строгом смысле слова идентичность может быть атрибутирована только индивидами, поскольку только индивиды обладают качеством субъектности и, соответственно, способны относить или не относить к себе определенные значения. Приписывать идентичность группам позволительно лишь в переносном, метафорическом смысле³⁹. Таким образом, идентичность есть процесс и результат самоидентификации. Одно время мы были всецело согласны с такой точкой зрения. Но достаточно длительное и пристальное исследовательское внимание к реалиям калининградской региональной субкультуры заставило нас несколько усомниться в адекватности такого подхода к этнокультурной идентичности, о чем будет сказано ниже.

В современной специальной литературе утвердилось два подхода к пониманию феномена идентичности. Один из них, представленный в «Новой философской энциклопедии», — реляционный, или конструктивистский, — исходит из представлений об идентичности как отношении. Второй — эссенциалистский, или атрибутивный подход, сторонники которого рассматривают идентичность как свойство. Долгое время эти два подхода воспринимались исследователями как конкурирующие друг с другом, сегодня их рассматривают скорее как взаимодополняющие. Их соотношение отражает сложный процесс взаимодействия «ставшего» и «становящегося», объективного и субъективного в социокультурных реалиях вообще и в идентичности, в частности.

Идентичность как отношение есть явление *субъективное*, это результат отнесения индивидом себя к той или иной общности (культурной, этнической, религиозной, антропологической — пол, возраст и т. д.). Нужно отметить, что речь идет не об индивидуально-психологической идентичности (тождество

³⁹ Малахов В. С. Идентичность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2000—2001. Т. 2. С. 78.

человека самому себе), а именно о социокультурной, в процессе которой человек отождествляет себя с той или иной группой, различая «своих» и «чужих», растворяя свое «я» в коллективном «мы». В данном случае, говоря об идентичности, мы ведем речь о процессе самоидентификации. Идентичность тесно связана с ментальностью, можно сказать, что она базируется на ней, но представляет собой иное, гораздо менее устойчивое образование, формирующееся под влиянием ситуации. Хорошо заметны изменения идентичности, происходящие на фоне политических кризисов. Так, югославский кризис подтолкнул актуализацию славянской идентичности у множества россиян, процесс расширения ЕС и проблемы транзита в Калининградскую область резко усилили «российскость» калининградцев. В. Малахов, характеризуя специфику этнической идентичности, отмечает: «Место этнической идентичности в структуре личности может меняться. В одних условиях она не играет существенной роли или вообще не выражена... в других выступает на первый план или даже доминирует, вытесняя иные идентификации индивида. Процессуальный и ситуативный характер этнической идентичности очевиден... Самоидентификация индивидов с той или иной этнической группой зависит от целого ряда обстоятельств... В любом случае, однако, активизация этнической идентичности связана не с «пробуждением» некоей дремавшей в глубине индивидуального сознания способности, а с наличием ситуации, обуславливающей определенный тип поведения (в частности, коллективную солидарность по этническому признаку)»⁴⁰.

Безусловно, идентичность как отношение ситуативна, изменчива, разные уровни идентичности — индивидуальный и социальный — актуализируются в ответ на разные вызовы извне. В этом смысле идентичность представляет собой явление субъективное. Однако в структуре идентичности можно выделить и определенные устойчивые сущностные основания, позволяющие видеть в ней не только отношение, но и свойство.

⁴⁰ Малахов В. С. Указ. соч. С. 79.

Ведь индивид, осуществляющий самоидентификацию, «относящий к себе определенные значения», сам есть продукт определенной культуры, он сформирован в пространстве культуры и, как правило, обладает ее основными ментальными характеристиками, независимо от того, осознает он это или нет. В этом смысле можно говорить об атрибутивном понимании идентичности (идентичность как неотъемлемое свойство, качество, присущее индивиду) и соответственно об *объективной* составляющей идентичности — *ментальной идентичности*, являющейся следствием принадлежности индивидов к одной и той же культуре. В первом случае (идентичность как отношение) речь идет об *идентификации*, которую мы понимаем как процесс отождествления себя с теми или иными социальными общностями, во втором случае (идентичность как свойство) подразумевается *идентичность* как основание, а иногда и как результат этого отождествления, как свойство отличительности. Эти понятия можно определять в коннотациях «становящегося» и «ставшего». Идентификацию можно характеризовать как «становящееся», а идентичность — как «ставшее».

Наиболее сложной оказывается проблема разработки инструментария для исследования идентичности. В случае, когда мы рассматриваем идентичность как отношение, то есть как результат процесса самоидентификации, все более или менее ясно: единственным критерием является суждение индивида (я — русский, я — казак, я — калининградец и т.п.). В этой ситуации суждение индивида является самоудостоверяющим, не подлежащим обсуждению, сомнению. Однако самоидентификация, как мы отмечали выше, — чрезвычайно ситуативна, изменчива, она зависит от многих внешних факторов. Самоидентификация может меняться в зависимости от контекста: по отношению к жителю центральной России у жителя Калининградской области актуализируется европейская самоидентификация; по отношению к французу или англичанину — российская. То есть в данном случае идентичность «находится» не в субъекте, а в отношениях между субъектами. Именно в этом контексте можно говорить и о феномене так называе-

мой *декларируемой идентичности*, когда индивид неправомерно отождествляет себя с некоей социальной общностью, являясь на деле носителем совершенно иной ментальности. Это весьма распространенный сюжет в условиях калининградского социума, когда некоторая часть населения объявляет себя «европейцами», оставаясь по ментальным характеристикам «типично русскими». В данном случае возникает задача выявления тех факторов, мотивов, которые влияют на ту или иную самоидентификацию субъекта.

Обращение к процессам самоидентификации представляется значимым для изучения динамики социальных настроений, однако недостаточным. Очень важно исследование ментальной идентичности, которая, будучи более фундаментальной характеристикой, становится основой для самоидентификации. Здесь появляются сложности методологического характера, которые пока не удастся преодолеть исследователям. Ментальность, как известно, не рефлексруется самим субъектом-носителем, она укоренена в глубинах психики и осознаваема только частично. И поэтому вопрос о критериях измерения идентичности становится очень острым.

Как известно, процесс любой идентификации предполагает два этапа: распознавание, опознавание чего-либо или кого-либо по определенным признакам и уподобление, отождествление чего-либо или кого-либо с чем-либо или кем-либо. Культурная самоидентификация — это процесс сопоставления человеком себя с социальной общностью по культурным признакам. Причем в инкультурационном контексте определяющую роль играют признаки, проявляющиеся в повседневных культурных практиках, прежде всего в быту, во взаимоотношениях с другими людьми, и т. п. Процессы социокультурной самоидентификации актуализируются при непосредственном столкновении с носителями иной культуры, когда обнаруживаются некие противоречия в стереотипах поведения, оценках, понимании чего-либо. Особенности калининградских реалий таковы, что, с одной стороны, создается достаточно много стимулов для самоидентификации: «столкновений» с носителями других культур более чем достаточно. С другой стороны,

в силу пограничного характера культуры и интенсивного диахроническо-синхронического межкультурного взаимодействия процессы самоидентификации заметно усложняются: провести четкую демаркацию между «своим» и «чужим» не всегда удается. Происходит превращение культурно чужого и чуждого в культурно знакомое и свое. Это способствует расширению толерантной составляющей ценностного пространства личности и формированию ее межкультурной компетенции. С одной стороны, это явление положительное, но, с другой — оно чревато и отрицательными последствиями: может возникнуть угроза определенного отрыва от базовой культурной матрицы.

Сегодня эта угроза представляется весьма незначительной: «европейскость» некоторой части калининградцев или подчеркнута позиционируемая калининградская идентичность зачастую оказываются скорее декларируемыми, нежели реальными, о чем мы уже писали выше. Процессы самоидентификации весьма ситуативны, явно реагируют на вызовы извне, и прежде всего на изменения политических реалий. Ментальная идентичность подавляющего большинства жителей области на сегодняшний день российская, но в перспективе может возникнуть «проблема третьего поколения». Третье поколение — это поколение не просто местных уроженцев, но их внуков, то есть поколение, у которого возможны подвижки на глубинно ментальном уровне. Сегодня есть некоторые основания констатировать наметившийся процесс «размывания» российской ментальной идентичности у этого третьего поколения. Ниже, в специальном разделе мы обратимся к этой проблеме. Хотя нарастание некоторого отчуждения от России очевидно и на уровне «включенного наблюдателя»: молодые люди, выросшие в Калининграде, не чувствуют себя жителями огромной по территории страны, в их картине мира иной образ социального времени и пространства, нежели у их сверстников из других российских регионов. Это хорошо фиксируется в вербальном дискурсе. Так, к примеру, абсолютно распространенным в обыденной лексике стало выражение «был(-а) в России», без указания конкретного населенного пункта или региона — По-

волжье, Урал, Сибирь и т. п. (правда, надо отметить, что Москва и Санкт-Петербург чаще всего отмечаются). При этом выражение «был(-а) в Европе» встречается неизмеримо реже: как правило, указывается страна или город. От молодого калининградца (калининградки) чрезвычайно редко можно услышать выражение «у нас в России», то есть на бессознательном уровне Калининград как бы выводится из культурных шифров «российскости», что свидетельствует об определенных изменениях ментальной идентичности. Некоторое отчуждение от России фиксируется и семантически: часто используются выражения типа — «большая земля», «большая Россия», «культурный материк», «историческая Родина» и т. п.

«Инаковость», локальная специфика хорошо проявляется в *объектной* составляющей региональной субкультуры. В культурном ландшафте доминирующими образами являются вертикаль кирпичной готики, черепичные крыши, липы вдоль узких, мощеных булыжником дорог. Культурный ландшафт не дает оснований для развития поэтики православных храмов, крестьянских изб и русских берез, она чужда большинству молодых калининградцев. И хотя глубинные ценности, как нам приходилось уже отмечать, остаются пока «чисто российскими», налицо весьма симптоматичные тенденции намечающиеся трансформаций ментальности и в том числе ментальной идентичности. В этом контексте полагаем не лишним заметить, что процессы «размывания» национальной идентичности уже достаточно глубоко исследованы: знаменитый автор «Столкновения цивилизаций» Самюэль Хантингтон в своей последней книге «Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности» убедительно показывает, что в основе этого «размывания» лежит девальвация базовых ценностей⁴¹. Именно исследование ценностей, вероятно, может позволить отследить эти глубинные процессы трансформации ментальности.

⁴¹ Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004.

Пограничность

Калининградская региональная субкультура представляет собой яркий пример пограничного типа культуры, где сложилось уникальное социальное пространство для интенсивного взаимодействия культур: российской — немецкой (восточнопрусской, кёнигсбергской), российской — европейской (литовской, польской, шведской и т.п.), российской русской — украинской, белорусской и других культур бывшего СССР. С достаточным основанием сегодня можно говорить об образовании реального культурного диалогового пространства. Более того, специфика калининградской «пограничности» состоит в том, что она имеет двойное измерение: диахроническое и синхроническое.

Диахронический модус связан с исторической спецификой региона и определен межкультурным взаимодействием во времени. Начиная с послевоенного периода, русский советский культурный «текст» начал «сращение» с восточнопрусским немецким «контекстом». Есть точка зрения, ее придерживаются в том числе и некоторые калининградские исследователи, что культура может передаваться только через человека, от субъекта к субъекту и, следовательно, о межкультурном взаимодействии на территории нынешней Калининградской области после 1948 года (после депортации немецкого населения) говорить неправомерно. Мы же глубочайшим образом убеждены в том, что межкультурное взаимодействие — процесс гораздо более широкий. Понятие культурный «текст» (как и культурный «контекст») включает в себя не только мир «возделанных» личностей и упорядоченных коллективов людей, но и «возделанную» среду обитания — *культурный ландшафт* — природное пространство, освоенное людьми утилитарно, семантически и символически, в котором прагматическое неот-

делимо от смыслового⁴². Артефакты прежней немецкой культуры являются не просто фоном, на котором происходит развитие русской культуры, но одним из условий этого развития, они оказываются посредниками в межкультурном взаимодействии, в трансляции и порождении новых культурных смыслов. Так происходит взаимодействие (и зачастую «сращивание») культурного «текста» (русского советского) и культурного «контекста» (немецкого, восточнопрусского).

Для подкрепления нашей позиции воспользуемся моделью культуры, созданной известным российским философом и культурологом М. С. Каганом, в соответствии с которой культура — сложная система, саморазвитие которой обеспечивает взаимодействие трех модальностей⁴³:

- человеческая модальность (мир человеческого сознания, навыки мышления и чувствования, совокупность смыслов и ценностных ориентаций, ментальность — «сверхприродные» качества человека, которые формируются в социокультурных практиках);
- процессуально-деятельностная модальность («сверхприродные» способы деятельности, особенности поведения, общения, в ходе которых происходят процессы объективации и интериоризации смыслов и ценностей);
- предметная модальность (весь созданный человеком искусственный мир, в котором воплощена человеческая модальность).

Каждая из модальностей активно взаимодействует с другими: человеческая модальность определяет процессуально-деятельностную и предметную и сама, в свою очередь, может меняться под влиянием последней. Как писал замечательный поэт Николай Заболоцкий:

⁴² Подробнее см.: *Каганский В. Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

⁴³ *Каган М. С.* Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996.

Два мира есть у человека:
Один — который нас творил,
Другой — который мы от века
Творим по мере наших сил.

Воспользуемся схемой Кагана для рассмотрения ситуации в послевоенном Кёнигсберге-Калининграде. Не вызывает сомнения тот факт, что в первые десятилетия после войны ситуацию в регионе определяла возникшая дисгармония во взаимодействии модальностей. «Текст» культуры — внутренняя человеческая и процессуально-деятельностная модальности — был русским советским, а «контекст» — внешняя, предметная модальность — чужим, немецким, что делало существование культуры здесь противоречивым и конфликтным. Взаимодействие началось с противостояния: новая культура пыталась уничтожить следы старой, воспроизвести свою собственную предметную модальность, соответствующую внутреннему миру переселенцев. Именно поэтому последовательно уничтожались прежде всего наиболее семантически значимые объекты: кирхи, замки и т. д. Утилитарные объекты — заводы, фабрики, дома — не вызывали столь острой реакции неприятия.

Постепенно ситуация менялась: противостояние стало уступать место другим типам взаимодействия. С одной стороны, существенно преобразилась предметная модальность, в ней появились приметы российской культуры, с другой стороны, внутренняя культура (человеческая модальность) также изменилась под влиянием внешней, предметной модальности. Сегодня, 60 лет спустя, мы считаем уместным говорить не только об особой калининградской идентичности, но и о формирующемся феномене калининградской ментальности, специфика которой наиболее ярко проявляется на уровне образной картины мира, в особенностях восприятия культурного ландшафта, социального пространства и времени. Коренному калининградцу присуще иное, чем жителю центральной России, Сибири, измерение пространства: нет ощущения огром-

ной страны, ее бескрайних бесконечных просторов, преобладает более дробный, европейский масштаб членения пространства (густая сеть дорог, более плотное расположение населенных пунктов). «Поэтика русских изб» мало понятна молодому калининградцу, никогда не бывавшему (или изредка бывавшему) в российской глубинке. Она может проявиться как следствие опосредованного влияния книжной культуры, а не непосредственного впечатления от окружающего культурного ландшафта. Не золоченые маковки русских церквей и башни колоколен, а острые шпили кирпичной готики, высокие черепичные кровли домов, вымощенные булыжником мостовые, липовые аллеи вдоль узких дорог — неотъемлемая часть калининградского культурного ландшафта — стали составной частью образной картины мира жителя области, так же как и рыцарские турниры, замки, образ Канта, Гофмана и т. д. Этот феномен вполне проявил себя во время празднования 750-летнего юбилея Кёнигсберга-Калининграда. Образ старого города, сложившийся из отдельных фрагментов (старых открыток, археологических находок, воспоминаний первых переселенцев, знакомых каждому калининградцу мифов о подземельях и т. д. и т. п.), его символы (Кант, Собор, даже разрушенный замок, кёнигсбергский марципан и т. д. и т. п.), запечатленные в поэзии, живописи калининградских мастеров, публицистике, стали неотъемлемой частью образа современного Калининграда. Примеров такого рода предостаточно: проза Ю. Буйды, живопись Б. Булгакова, О. Пьянова, В. Рябинина, краеведческая публицистика А. Попадина и т. д.

Эту ситуацию, используя приведенную выше типологию Я. Г. Шемякина⁴⁴, можно характеризовать как *симбиоз*. Это нельзя назвать полновесным диалогом русской и немецкой культур, но момент опосредованного влияния именно восточнопрусской, кёнигсбергской культуры через предметный мир и связанную с ним историю, безусловно, имеет место. Напом-

⁴⁴ Шемякин Я. Г. Указ. соч.

ним, что при симбиозе складывается культурный диалог, но он не затрагивает ценностного ядра, новые «чужие» элементы встраиваются в культуру рядом со «своими».

Однако есть некоторые факты, позволяющие говорить, возможно, и о *синтезе*, то есть о порождающем взаимодействии или о процессе рождения нового качества. В этом контексте как «продукт» диалогового взаимодействия культур на территории Калининградской области можно рассматривать деятельность Центра инициативного досуга в г. Черняховске «Дом-Замок» (на территории бывшего Инстербургского орденского замка). Замок не является частью русской культуры, к которой принадлежит большинство участников этого проекта, однако он часть истории их земли и тем самым становится частью их культуры. Деятельность Центра связана как с реставрацией, изучением самого замка, археологическими раскопками на его территории, так и с историческими реконструкциями средневековых зрелищ, массовых празднеств и т. д. В этом контексте также показателен опыт Багратионовского военно-исторического клуба, созданного при Багратионовском музее истории края. В деятельности этого добровольного общественного объединения «сплавляется воедино» недавнее советское прошлое и давняя российская, европейская история: военно-исторические реконструкции завершающих эпизодов боев в Восточной Пруссии, штурма города-крепости Кёнигсберга советскими войсками и проведение традиционных военно-исторических фестивалей «Эйлау 1807», участие в реконструкциях других известных сражений начала XIX века (Фридланд, Пултуск, Хайльсберг и др.). Формируется новый образ прошлого, новое состояние социальной памяти, обогащенной культурно-диалоговым взаимодействием.

Синхронический модус калининградской культурной пограничности отражает прочное и плотное взаимодействие с ближайшими европейскими соседями — Польшей и Литвой, а также гораздо более интенсивные, чем у других российских регионов, взаимосвязи с другими европейскими странами, прежде всего с Германией и Швецией. Постоянно через струк-

туры повседневности происходит трансплантация иного, не российского, культурного продукта. Можно привести множество примеров такого рода культурного взаимодействия: роль литовских традиций в изготовлении калининградской сувенирной продукции; архитектурный облик недавно возведенной в областном центре Рыбной деревни, стилизованной под немецкую старину; геометрически правильное, четко распланированное, без могильных оград пространство Цветковского кладбища, столь непохожего на русские погосты; немецкое кладбище в Балтийске; влияние католической польской культуры на организацию территории около православного храма в Багратионовске; органически воспринимаемое верующими православное содержание, «находящееся в форме» старых протестантских кирх и т. д. В этом контексте нельзя не обратить внимание на энциклопедическое справочное издание «Кёнигсберг-Калининград, 1255—2005». На восьмистах страницах этого «фолианта» представлена великая и драматическая история немецкого — восточнопрусского — советского — российского города и региона⁴⁵.

Таким образом, можно констатировать, что в условиях калининградской региональной субкультуры сложилась уникальная ситуация с точки зрения межкультурного взаимодействия и его влияния на все социокультурные процессы, в том числе на инкультурацию личности и ее самоидентификацию. Не будет преувеличением утверждать, что для жителя Калининградской области, включенного в перманентный, необходимый и неизбежный культурный диалог в социальном времени и пространстве, проблема поиска этнокультурной идентичности становится куда более актуальной и насущной, нежели для жителей других регионов России. Особенности калининградских реалий таковы, что, с одной стороны, создается достаточно много стимулов для самоидентификации

⁴⁵ *Кёнигсберг-Калининград, 1255—2005*: ил. энцикл. справ. / под общ. ред. А. С. Пржездомского. Калининград: Янтар. сказ, 2006.

(«столкновения» с носителями других культур постоянны), с другой стороны, в силу пограничного характера культуры и активно идущего процесса взаимодействия культурного «текста» и инокультурного «контекста» процессы самоидентификации усложняются, зачастую провести четкую дефиницию между «своим» и «чужим» просто невозможно. Образ Канта давно стал «своим» для калининградцев, включивших могилу философа у Кафедрального собора в перечень объектов для посещения во время свадебной церемонии. Желтые домики с черепичными крышами — тоже «свои»: в живописи калининградского художника О. Пьянова они стали важнейшей и хорошо узнаваемой приметой «моего города» (название выставки художника). Многочисленные социологические исследования показывают, что среди главных символов Калининграда, наряду с природными явлениями, такими как море, янтарь, обязательно называются Кант, Кафедральный собор, фортификационные сооружения, городские ворота.

В условиях калининградской региональной субкультуры происходит реальный диалог культур — превращение культурно чужого и чуждого в культурно знакомое и свое через посредничество. Это, безусловно, способствует росту межкультурной компетентности и толерантности личности, но одновременно может привести к возрастанию культурной неукорененности и неопределенности. Так, данные социологических исследований, проведенных сравнительно недавно, демонстрируют резкую поляризацию оценок калининградской молодежью перспектив развития Калининградской области⁴⁶.

Таким образом, можно утверждать, что некоторый «культурный дрейф» региона сегодня — это объективная реальность. Этого нельзя не замечать, напротив, обеспечив посто-

⁴⁶ См.: *Регион сотрудничества*. Вып. 6 (31): Клемешев А.П., Фёдоров Г.М. Калининградский социум: по результатам социологических обследований 2001—2004 гг. / под общ. ред. А.П. Клемешева. Калининград: Изд-во КГУ, 2004.

янный мониторинг ситуации, необходимо учитывать для обеспечения устойчивого функционирования и развития калининградского социума как части России, а также для его эффективного включения в балтийско-региональные и европейские интеграционные процессы. Для прояснения механизмов социокультурной динамики обратимся к проблеме ценностей.

Ценности

Мы уже фиксировали выше сложность проблемы соотношения «ставшего» и «становящегося» в культуре. «Культурное ядро» отражает «ставшее» в культуре, т. е. наиболее устойчивые элементы культуры, принимаемые подавляющим большинством ее субъектов-носителей (смыслы, ценности, формы и результаты деятельности, механизмы опредмечивания и п. т.). Любая культура и региональная в частности сохраняет национальное «культурное ядро» как каркас, на котором базируется ее собственное «субкультурное ядро». Представляется, что содержание «культурного (субкультурного) ядра» реализуется в ментальном поле культуры. Ментальность есть результат проекции ментального поля культуры на психику людей. Последнее обстоятельство и порождает ту культурную общность и отличительность, которую метафорически принято обозначать как некий особый «дух культуры» — той или иной.

Ментальное поле культуры пронизывает все культурное пространство в его когнитивной, ценностной и регулятивной составляющих. При этом само ментальное поле, на наш взгляд, ценностно обусловлено. Было бы неоправданно смело полагать, что в рамках данного исследования и с нашими скромными силами возможно «разобраться» с проблемой ценностей. Тем не менее необходимо предпринять определенную попытку их дефинировать.

Еще И. Кант выделил два типа отношения субъекта к миру: теоретическое — познавательное и практическое — ценностное. Знания, характеризующиеся объективностью и всеобщностью, формируются в рамках отношения субъекта к объекту, к эмпирической реальности. Практическое отношение субъекта к миру выражает заложенное в нем надэмпирическое нравственное начало; речь идет о внутреннем мире человека, о его ценностях. История философской рефлексии по поводу ценностей уходит в 60-е годы XIX века, когда возникла аксиология как философское учение о ценностях. Г. Лотце и В. Виндельбанд, Г. Риккерт и М. Вебер, Ф. Brentano и М. Шелер, В. Дильтей и Н. Гартман, П. А. Сорокин и Т. Парсонс, М. Хайдеггер и Ж.-П. Сартр, Л. Витгенштейн и Ю. Хабермас, французские постмодернисты и отечественные мыслители С. Ф. Анисимов, А. С. Ахиезер, Г. П. Выжлецов, М. С. Каган, Л. Н. Столович — имена исследователей проблемы ценностей (их природы и сущности, соотношения с культурой, типологии и иерархии, механизмов функционирования и смены, ценностного фундаментализма и аномии) можно множить. В проблемном поле аксиологии имеет место «бесконечная неопределенность». Мы вынуждены согласиться с мнением Д. Л. Леонтьева, еще в 1996 году отмечавшего, что «отсутствует четкое представление о том, к чему относится само слово «ценность». Оно используется разными авторами в совершенно разных, взаимоисключающих и несопоставимых смыслах... Авторы, претендующие на обобщение разных точек зрения, в лучшем случае классифицируют разные подходы, даже не пытаясь привести их к какому-то общему знаменателю... или же констатируют наличие у ценности разных аспектов или сторон... В силу этого работы разных авторов, обращающихся к ценностной проблематике, не образуют единого проблемного поля»⁴⁷.

⁴⁷ *Леонтьев Д. Л.* Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. №4. С. 16.

На сегодняшний день «аксиологическая какофония» практически сохранилась, хотя, пожалуй, можно выделить следующие достаточно устоявшиеся представления о ценностях:

— существование ценностей «укоренено в экзистенциальной активности субъекта культурного творчества, его диалоге с другими людьми, ориентированном не только на область сущего, но и на значимое, нормативно-должное»⁴⁸.

— ценность — это не такое свойство, которое присуще объекту самому по себе, но результат оценки, т.е. фиксированного в сознании отношения человека к объекту;

— ценности могут объективироваться в предметной, вещной форме.

Как отмечал еще Г. Риккерт, «ценности не представляют собой действительности, ни физической, ни психической. Сущность их состоит в их значимости, а не в их фактичности. Но ценности связаны с действительностью... Ценность может, во-первых, таким образом присоединяться к объекту, что последний делается тем самым благом, и она может также быть таким образом связанной с актом субъекта, что акт этот становится тем самым оценкой»⁴⁹.

Мир ценностей чрезвычайно многообразен и трудноописуем. Среди «наиболее работающих» в отечественной аксиологии можно выделить следующие подходы к осмыслению видов и иерархии ценностей, к их классификации. Так, Г. П. Выжлецов приводит четыре класса ценностей: духовные (в религии, нравственности, искусстве), социальные (политические, правовые, моральные), экономические и материальные⁵⁰. М. С. Каган рассматривает мир ценностей как систему, в которой ценности разных видов находятся в исторически обусловленных

⁴⁸ Губман Б. Л. Ценности // Культурология. XX век: энциклопедия. Т. 2. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 342.

⁴⁹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 94.

⁵⁰ См.: Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. С. 75.

структурных отношениях. Он выделяет экзистенциальные (составляющие смысл жизни) нравственные, политические, правовые, религиозные, эстетические и художественные ценности, рассматривая их на разных уровнях (социально-групповом, межличностном, индивидуальном) с учетом существующих между ними интегративных связей⁵¹. И.И. Кравченко предлагает выделять группы ценностей по генетическому и функциональному признакам: к первой группе относятся политические и публичные (общественные) ценности, ко второй — ценности частной деятельности и жизни. При этом выстраиваются два уровня градации ценностей — базисные и периферийные⁵². Д.А. Леонтьев упорядочивает мир ценностей через основные формы их существования, находящиеся между собой в соотношении и взаимопереходах, а именно: социальные идеалы, предметно воплощенные ценности и личностные ценности; при этом ценностные ориентации в формы бытия ценностей не входят⁵³.

А.С. Кармин разделяет ценности на финальные, инструментальные и производные. Финальные — это высшие ценности, являющиеся конечными целями человеческих устремлений, они самоценны. Инструментальные ценности — это средства и условия, необходимые в конечном счете для достижения и сохранения финальных ценностей; производные — как следствия или выражения других ценностей, имеющие значимость лишь в качестве признаков и символов последних⁵⁴. В повседневных жизненных практиках ценности нередко несовместимы друг с другом, и человек вынужден выбирать в соответствии со сложившейся у него иерархией ценностей. Необходимо отметить, что в своей фундаментальной ра-

⁵¹ См.: *Каган М. С.* Философская теория ценностей. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997.

⁵² См.: *Кравченко И. И.* Политические и другие социальные ценности // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 3—16.

⁵³ См.: *Леонтьев Д. А.* Указ. соч. С. 25.

⁵⁴ *Кармин А. С.* Указ. соч. С. 255—258.

боте «Культурология» А. С. Кармин приводит различные подходы к систематизации ценностей, диапазон которых сложился в истории зарубежной и отечественной аксиологической мысли, начиная с Г. Риккерта⁵⁵.

Вышеприведенный аксиологический экскурс нам понадобился для того, чтобы с уверенностью утверждать, что сегодня в предельно широком смысле под ценностями можно понимать не только «мир должного», но и любые феномены сознания и даже объекты из «мира сущего», имеющие ту или иную мировоззренчески-нормативную значимость для субъекта, социальных общностей и групп, общества в целом. На сегодняшний день достаточно устоявшейся представляется точка зрения (глубоко укорененная в отечественной социально-философской и художественной традиции), согласно которой к базовым ценностным доминантам, определяющим ядро отечественной культуры, можно отнести следующие: сравнительно низкая значимость факторов материального благополучия и преимущественная ориентация на идеальную, духовную сферу; неукорененность в настоящем и обращенность в прошлое или будущее; доминирование социальных (общинных) ориентаций над индивидуальными; преобладание веры (безотносительно к религии) над рациональным началом; поведенческий иррационализм в ущерб навыкам жесткой целесообразности планирования и прогнозирования жизни; предпочтение социального равенства свободе; социальное сострадание, отзывчивость, открытость «импульсам извне».

Обратимся к ценностям в контексте калининградской региональной субкультуры. Периферийные слои ментальности ярко демонстрируют калининградскую специфику; иначе обстоит дело, когда речь идет о глубинных ценностных структурах. Выявление ценностей — достаточно сложная задача. Прямые вопросы «не работают», так как у респондента появляется желание ответить «правильно», «как положено». К тому же ценности только частично осознаются индивидом, а

⁵⁵ Кармин А. С. Указ. соч. С. 258.

значительная их часть существует на бессознательном уровне. Авторы предприняли попытку выявить ценность права и особенности правосознания у учащихся калининградского лицея № 49 (к слову сказать, это были учащиеся классов с юридической и политологической специализацией). Выбор предмета исследования был обусловлен тем, что политические и правовые ценности проще актуализировать, они имеют достаточно очевидные репрезентации.

Чуть более половины опрошенных твердо считают наличие права необходимым для жизни всех слоев общества. При этом законы у значительной части участников опроса ассоциируются лишь с ограничением прав и свобод граждан и наказанием («закон необходим, чтобы карать преступника и защищать хороших людей», «хорошие люди подчиняются законам, потому они и хорошие» и т. д.). Явно доминирует понимание права как системы ограничений и наказаний, но не как ценности: 38 % опрошенных ответили, что их родителям или другим близким родственникам приходилось защищать свои права в суде. Обращение в суд считают наиболее действенным способом защиты своих интересов (чести, достоинства, имущества) только 26 % учащихся, 30 % затруднились с ответом, 44 % назвали более действенными иные способы (переговоры, достижение соглашения), примерно половина из которых — силовые («драка», «месть», «обращение к криминальным структурам» и т. д.). Напомним, что респонденты — учащиеся классов с юридической и политологической специализацией, владеющие основами правовых знаний, однако и для них право не является очевидно значимой ценностью. В целом отношение к праву и его роли в межсубъектном взаимодействии выглядит вполне российским.

В определении символов современной России учащиеся показали себя ярко выраженными государственниками, назвав в числе главных символов флаг (31 % опрошенных), гимн (26 %), герб (18 %), В. В. Путина (15 %), разруху, упадок (11 %). Россия как родина, отечество, культура в сознании школьников отождествляется с Россией-государством. Эта особен-

ность российской ментальности многократно отмечалась большим числом исследователей на протяжении столетий.

Достаточно симптоматичны ответы на вопрос о герое нашего времени. 53 % опрошенных затруднились с ответом на этот вопрос или утверждали, что таковых просто нет. Из оставшихся 47 % примерно одна треть (15,5 %) назвала героем нашего времени В. В. Путина, далее с большим отрывом следует В. Бусловский⁵⁶ (9,5 %). Сходная ситуация и с ответом на вопрос об имеющихся авторитетах. Примерно у половины учащихся авторитетом пользуются родители и другие родственники. Не имеют авторитета вообще или считают таковым самого себя — 35 %. Из оставшихся ответов обращают на себя внимание имена Сталина, Путина (по 4,5 %), Хрущёва, Бисмарка. Тенденция выявляется достаточно ярко. Кроме политиков и государственных деятелей названы «сильные люди», В. Цой.

В целом ответы получились очень «российскими». Интересно сопоставить эти результаты с данными Среднерусского консалтингового центра⁵⁷. Исследуя очень разные регионы (Калининградская область, Приморский край и Кировская область), социологи получили достаточно однородную картину:

- ценность патриотизма (любовь к Родине, вера в будущее России, готовность защищать ее);
- повсеместно преобладает региональная идентичность над национальной;
- при этом надежды на решение проблем связывают не с региональными властями, а с центральной властью — президентом и правительством.

Исследования показали, что жители трех отдаленных друг от друга регионов, несмотря на все существующие отличия, имеют много общего в политических ценностях, в идеологических подходах, что можно было бы назвать некоей «россий-

⁵⁶ В. Бусловский — командир Калининградского ОМОНа, погибший в Чечне, его имя носит лицей №49 г. Калининграда.

⁵⁷ Новости агентства Росбалт, 04/01/2003. URL: www.rosbalt.ru

скостью». Достаточно очевидно, что население, проживающее на огромной территории России, объединяет не просто общая государственная принадлежность, но некие глубинные ценностные структуры ментальности, стереотипы мышления, чувствования, поведения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что если на периферийном поверхностном уровне ментальности под влиянием структур повседневности формируются собственно калининградские черты, то на глубинном ценностном уровне преобладают общенациональные особенности. Имеющиеся на уровне обыденного сознания и фиксирующиеся в процессе идентификации представления о «европейскости» калининградцев на деле скорее оказываются мифом. Общероссийские ценности, общероссийская ментальность преобладают: калининградцы, конечно, *другие* (как, впрочем, *другими* являются и москвичи, петербуржцы, жители Приморья), но, по-видимому, несколько *менее другие*, чем иногда это представляется. И это естественно: Калининградская область — это российский регион, и процессы социализации личности в этом российском эксклаве типично российские, что и обуславливает воспроизводство российской ментальности, и прежде всего в ее политической составляющей. Иначе обстоит дело с ценностными ориентациями, которые куда более пластичны, гибки и даже ситуативны по сравнению с ценностями. Но для глубоких выводов относительно ценностной динамики приведенной эмпирической базы явно недостаточно.

Мир ценностей, ценностное сознание детерминируют нормы как «стереотипы мысли и действия, принимаемые в границах той или иной социокультурной общности»⁵⁸. Нормы же, в свою очередь, регламентируют деятельность людей во всех сферах культуры — от элементарных актов материально-практической деятельности до науки, искусства, морали и религии. Изменения в ценностях ведут к изменениям норм и, следовательно, к изменениям поведенческих и мыслительных практик, т. е. социально-культурной реальности в целом.

⁵⁸ Губман Б.Л. Указ. соч. С. 343.

Калининградская региональная субкультура — это культура, функционирующая и развивающаяся в условиях интенсивного межкультурного взаимодействия как в диахроническом, так и синхроническом аспектах. Естественно, что это обстоятельство не может не сказываться на динамике ценностей. Базовые, глубоко укорененные в ментальности («культурное ядро») ценности, устойчивы, относительно стабильны; «периферийные» — пластичны, подвижны. Динамика ценностей проявляется, «обнаруживается» прежде всего в изменениях ценностных ориентаций отдельных субъектов и социальных групп.

Под *ценностными ориентациями* (ориентация — от фр. orientation — установка) в социальной психологии принято понимать «...1) идеологические, политические, моральные, эстетические и другие основания оценок субъектом окружающей действительности и ориентации в ней; 2) способ дифференциации объектов индивидом по их значимости»⁵⁹. Ценностные ориентации формируются при усвоении индивидом социального опыта и обнаруживаются в идеалах, убеждениях, целях, интересах и других особенностях личности. Они тесно связаны с познавательными и волевыми аспектами человеческой деятельности, реализующимися в структурах повседневности. *Ценностные ориентации*, на наш взгляд, могут быть интерпретированы как комплексы духовных детерминант деятельности, как социально-психологические образования (интересы, мотивы, потребности и т.п.), в соответствии с которыми и реализуется собственно свобода воли. Ценностные ориентации позволяют индивиду ориентироваться в мире ценностей, определять для себя их иерархию. Именно с ценностными ориентациями связаны пусковые и регулятивные механизмы деятельности как специфически человеческой формы активности, как субстанции социетального. Применительно к

⁵⁹ *Краткий психологический словарь* / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Ростов н/Д: Феникс, 1998. С. 441—442.

обществу или социальным общностям и группам термин «ценностные ориентации» представляется неприемлемым прежде всего потому, что они не являются субъектами-носителями целенаправленной активности.

Ценности обладают объективным существованием. Они определяют долговременные стратегии социального поведения, обеспечивают функционирование культуры в качестве механизма воспроизводства конкретного общества как определенной социокультурной системы, тождественной самой себе. Ценностные ориентации всегда субъективны и детерминируют тактические, относительно кратковременные конкретно-исторические практики, могущие приводить и к социокультурным изменениям. По-видимому, именно ценностные ориентации выступают «проводником» трансформаций «ставшего» в «становящееся». Для обоснованных выводов относительно возможных направлений ценностной динамики нужны серьезные исследования ценностей и ценностных ориентаций, постоянный их мониторинг. Для этого необходимы долгосрочные масштабные программы конкретно-социологических и социально-психологических исследований; создание специального инструментария исследовательских процедур (к примеру, «Тест изучения ценностей» в формате фокус-групп) с учетом эксклавной специфики региона, привлечение специалистов. Каковы же возможные векторы социокультурных изменений в условиях калининградской региональной субкультуры?

Калининградская региональная субкультура и проблема сепаратизма

В периодике, публицистике, программах СМИ, в практиках повседневного вербального дискурса время от времени возникает проблема калининградского сепаратизма. Экономические, политические и геополитические, демографические,

конкретно-исторические аспекты этой проблемы уже достаточно глубоко проанализированы, в чем можно убедиться, обратившись хотя бы к такому изданию, как «Проблема сепаратизма в условиях анклавных территорий», вышедшему в свет в 2005 году под редакцией А. Ю. Мельвиля и А. П. Клемешева (в число авторов этого сборника входим и мы). Возможное содержание и меры предупреждения сепаратистского тренда, задачи социального управления (на федеральном и региональном уровнях) по его предотвращению нашли отражение на страницах этой публикации БалтМИОНа⁶⁰. Обратимся к этой проблематике в контексте социально-философской и культурологической рефлексии.

Постановка вопроса о так называемом калининградском сепаратизме нами воспринимается весьма неоднозначно. Начнем с того, что мы не видим этой проблемы. Оснований для этнического или конфессионального сепаратизма нет, так как более 82 % населения области — русские. Не видим мы и оснований для политического сепаратизма, так как, по нашему мнению, сегодня на калининградской политической арене нет субъекта-носителя сепаратистских ценностей и тенденций, достаточно сформировавшегося и «уверенно себя чувствующего» для попыток реализовать эти ценности и тенденции на практике. Впрочем, мы не исключаем того, что наше «невидение» есть следствие определенного конкретно-политического «неведения». Однако нам все-таки представляется, что сепаратизм в собственно политическом смысле калининградскому социуму сегодня не угрожает. Ибо, как утверждает энциклопедический словарь по политологии, «сепаратизм (фр. *separatisme*, от лат. *separatus* — отдельный) — стремление к обособлению, проявляющееся, как правило, у национальных меньшинств в многонациональных государствах и направленное на

⁶⁰ См.: *Регион сотрудничества*. Вып. 3 (46): Проблема сепаратизма в условиях анклавных территорий / под ред. А.Ю. Мельвиля, А.П. Клемешева. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005.

создание самостоятельных государств или национально-государственных автономий»⁶¹. Переселенческий же характер населения как в прошлом, так и в значительной степени в настоящем, к тому же известная «гарнизонность» региона не способствуют формированию автохтонного населения области.

Справедливости ради нужно отметить, что С. И. Ожегов определяет сепаратизм как «просто» «стремление к отделению, обособлению»⁶², т. е. без жестких политических коннотаций. Но и в этом смысле, как нам кажется, сепаратизм не является реальной угрозой, во всяком случае, пока в пространстве власти калининградского социума доминирует поколение, социализировавшееся в условиях СССР, независимо от национальности, профессиональной принадлежности, социального статуса или культурного уровня индивидов. Под пространством власти в данном контексте мы понимаем сферы принятия и реализации решений во всех подсистемах социума и на всех структурных уровнях организации социального бытия.

Нам также думается, что такие понятия, как «сепаратизм», при их актуализации для «широкой публики», требуют очень осторожного обращения. Не следует пренебрегать вековечной народной мудростью — «не буди лихо, пока оно тихо»; к тому же «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется», а в социальной психологии достаточно хорошо известен феномен «самосбывающегося прогноза».

Но одновременно, как нам представляется, в условиях калининградской региональной субкультуры возникают такие тенденции социокультурной динамики, которые мы не готовы назвать сепаратистскими, но которые тревожат нас возможностью объективного дрейфа в сторону от культурного материка — России. Социокультурная реальность нашего эксклавного ре-

⁶¹ *Политология: Энциклопедический словарь / общ. ред. и сост.: Ю. И. Аверьянов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. С. 352.*

⁶² *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражение / РАН. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1997. С. 712.*

гиона нами квалифицируется как калининградская региональная субкультура. Региональная субкультура является составной частью культуры национальной и обладает всем комплексом ее базовых характеристик, но одновременно — и явно выявленной местной спецификой.

Главная особенность калининградской региональной субкультуры, как мы указывали выше, — ее «пограничность», имеющая диахронический и синхронический ракурсы. Первый связан с исторической спецификой региона и определен межкультурным взаимодействием элементов немецкой, восточно-прусской и русской, советской культур. Синхроническое же измерение отражает интенсивное взаимодействие с ближайшими европейскими соседями — Польшей и Литвой, а также гораздо более активные, чем у других российских регионов, культурные взаимосвязи с европейскими странами, и прежде всего с Германией. В этих условиях, как уже отмечалось, социализация личности имеет явно выраженный российский характер, а инкультурация, осуществляющаяся перманентно в структурах повседневности и обусловленная «пограничностью» калининградской региональной субкультуры, достаточно специфична. Особенности инкультурации, с нашей точки зрения, приводят к трансформации населения области в особый этнокультурный феномен. Значительная часть населения региона становится субъектом-носителем культурной отличительности (объективно-онтологические особенности) и консолидируется в социальную общность, обладающую сходными представлениями об основных признаках этой отличительности (субъективно-гносеологические характеристики). Осознание индивидом своей принадлежности к этой общности, самопозиционирование в этом качестве приводит к частичной деперсонификации и конструирует коллективное самосознание — социально-психологическое «мы-пространство»: чувство, оценка похожести друг на друга и одновременно — определенной «инаковости» по сравнению с представителями других социальных общностей. Очевидно, что такие представления весьма условны и субъективны, что отнюдь не отменяет их наличия.

В этом контексте стоит упомянуть описанную А. Н. Попадиным фигуру «условного калининградца» — УК, который любит подчеркивать свою непохожесть на других жителей России и с удовольствием слушает, как это же отмечают некалининградцы⁶³.

Отсюда вытекает явно выраженная специфика культурной самоидентификации личности в условиях калининградской региональной субкультуры. Самоидентификация личности осуществляется по маркерам: «калининградский — российский», «калининградский — европейский», «калининградский — немецкий (восточнопрусский, кёнигсбергский)» или «свой — иной — другой — чужой — свой». Столь «насыщенная палитра маркеров» в процессах самоидентификации расширяет пространство личностного выбора, но одновременно делает его более затруднительным. Особенно это касается третьего поколения калининградцев, у которого возможны определенные изменения на ментальном уровне.

Что позволяет сделать такое предположение, кроме теоретических выкладок о специфике инкультурации личности в условиях калининградской региональной субкультуры и результатов конкретно-социологических исследований, уже не вполне обнадеживающих: от 54 до 56% опрошенных позиционируют себя, в первую очередь, как россиян, а в качестве европейцев — от 5 до 8,3%⁶⁴? Третье поколение пока численно минимально: в настоящее время местные уроженцы составляют лишь 43% населения области, из которых 24% относится к первому поколению и 19% — ко второму⁶⁵. Но во вполне

⁶³ См.: Попадин А. Н. Местное время: прогулки по Калининграду: практ. пособие в 3 частях с отступлениями. Калининград: Янтар. сказ, 1998. С. 127; Попадин А. Н. Местное время 20:10. Прогулки по Калининграду: практ. пособие в 4 частях с инклюзами и отступлениями, с рис. авт. разных времен. Калининград: Запад. пресса, 2010. С. 18.

⁶⁴ См.: Регион сотрудничества. Вып. 6 (31). С. 19.

⁶⁵ См. там же. С. 4.

обозримой перспективе оно, естественно, численно увеличится и объективно заменит старшие поколения в сфере принятия и реализации решений. Каковы будут ценности третьего поколения?

Сегодня уже можно констатировать, что у молодых людей, родившихся в Калининградской области или переехавших сюда в детстве, намечается девальвация ценности «российскости». Об этом свидетельствует глубинно-проективное письменное интервьюирование в форме эссе, неоднократно проводимое нами с учащимися 10—11-х классов 49-го лицея и студентами младших курсов РГУ им. И. Канта, т.е. с теми, кому от 16—17 до 20 лет. Возможность анонимности давала определенную гарантию искренности ответов. Процедура глубинно-проективного интервьюирования, предваряемого созданием у респондентов позитивной установки на его значимость, способствует активизации процесса самосознания, в котором индивид делает себя объектом собственного восприятия. По сути, это диалог, обращенный к самому себе, в котором, благодаря коммуникации с самим собой, индивид «проблематизирует» себя, позиционируя свою идентичность.

По результатам этого исследования можно констатировать некоторое «размывание» российской ментальной идентичности у подавляющего большинства молодых людей, участвовавших в интервьюировании. Это выражается не только в том, что абсолютное большинство из них позиционирует себя, в первую очередь, как калининградцев, а значительная часть — как европейцев. (Мы намеренно уходим от «процентных» показателей, полагая их в данном контексте неуместными.) Доминирующим настроением письменных интервью, выполненных в форме эссе, является неопределенность, культурная неукорененность, ярко выраженная эмоциональная амбивалентность и по отношению к России, и по отношению к Европе. Содержание и форма (система аргументации) ответов позволяют нам предполагать состояние ценностной «двунепринадлежности» («и не Россия, и не Европа»), пользуясь образным

выражением В. Л. Каганского⁶⁶. Наш предшествующий опыт, а мы занимаемся такими исследованиями с 2000 года, позволяет увидеть достаточно заметную динамику этого состояния в сторону его усиления.

Так, на материале интервью 2010 года с уверенностью можно сделать вывод о полном преобладании приоритета калининградской идентичности; российская и европейская — занимают второе место практически в равных долях. Эксклаvnность региона преимущественно рассматривается как стимул для развития, но никак не тупик; весьма положительно оцениваются и происходящие в последнее время изменения архитектурного облика областного центра. Во всех эссе однозначно констатируется «особость», «инаковость» Калининграда по сравнению с другими российскими городами, что, впрочем, естественно. Но одновременно в ряде работ отмечаются особенности жителей города: внешний облик, лексика, манеры общения и манера держаться на улице и в публичных местах. Как правило, эти особенности фиксируются в тех эссе, авторы которых сравнительно недавно стали жителями региона (два-три года) и еще не успели забыть свои первые впечатления от встречи с ним. Доминирующими являются представления о том, что «здесь жить лучше, чем в России», хотя «жизнь в Европе» многим кажется еще более предпочтительной. Надежды на будущее почти в равной степени связывают как с федеральным центром, так и с европейским окружением, хотя в обоих случаях «содержание надежд» смутно, размыто, конкретно не прописано. В нескольких работах явно обозначены изоляционистские настроения, вплоть до отделения от России. Приведем наиболее радикальные суждения: «позитивные» — «Калининградская область может стать самостоятельным государством»; «негативные» — «калининградцы — это россияне в добровольном изгнании». Характеризуя массовые настроения жителей региона, авторы эссе, как правило, избегают

⁶⁶ См.: *Каганский В. Л.* Указ. соч. С. 534.

крайностей (социальный оптимизм или пессимизм), но отмечают неопределенность этих настроений.

В интервью этого года обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, пожалуй, несколько изменилась тональность, эмоциональная окрашенность работ (возможно, как следствие всеобщего экономического кризиса). Превалирующими являются приглушенные «палитры серые тона»: меньше экзальтированного «верноподданнического» патриотизма или пафосного «европофильства». Во-вторых, стало больше анонимных работ, авторы радикальных суждений все меньше хотят быть признанными. Случайность это или тенденция (но — чего? нет желания нести «ответственность за собственное мнение»; боязнь некоей возможной опасности, могущей грозить за проявленную откровенность) покажет время.

Несколько отличаются результаты аналогичного исследования, проведенного на «материале» старшекурсников специальностей «история», «политология» и «философия» исторического факультета РГУ им. И. Канта. В большинстве ответов (также, по преимуществу, анонимных) фиксируется политическая и экономическая необходимость принадлежности Калининградской области к России; четко и осмысленно, хотя зачастую и несколько аффектировано, позиционируются «российскость и русскость» при преобладающем утверждении своей калининградской идентичности. Но и в этих ответах большое внимание уделяется отличиям Калининградского региона (прежде всего, Калининграда) как от России, так и от Европы; нередко звучит тема неопределенности будущего. Некоторое отчуждение от России фиксируется и семантически: часто используются выражения типа — «большая земля», «культурный материк», «историческая Родина», «Большая Россия» и т.п. Примечательно, что практически ни в одном интервью мы не нашли темы восхищения Россией, хоть в каком-нибудь контексте; а вот по отношению к Европе эта тема присутствует довольно часто. Встречаются и настроения культурной неопределенности и неукорененности; иными словами, по А. Вознесенскому, «не мы повинны в том, что половинны».

И еще одно обстоятельство: во многих интервью отражен тот факт, что на уровне бытового общения в других российских «городах и весях» Калининград зачастую не воспринимается как российский город, а обозначается «как Европа». Признаемся, что об этом же свидетельствует и наш собственный опыт: нам не раз приходилось сталкиваться с особенным и не всегда «здоровым» интересом российского обывателя к жизни калининградцев как «жизни за границей». Символическая составляющая образа мира тоже иная: доминирующие образы — вертикаль кирпичной готики, черепичные крыши, липы вдоль узких, мощеных булыжником дорог, собор на острове Канта, Балтийское море, янтарь, даже — каштаны; поэтика серых крестьянских изб и русских берез чужда большинству молодых калининградцев, купола и маковки православных церквей также пока не являются значимым символом. Таким образом, налицо весьма симптоматичные тенденции намечающихся трансформаций ментальности и тем самым ментальной идентичности.

Итак, подведем некоторые итоги: принципиально не признавая на сегодняшний день угрозу политического сепаратизма в Калининградском регионе, мы одновременно видим две возможности динамики в условиях калининградской региональной субкультуры. Первая: изменение массового сознания третьего поколения калининградцев, постепенного вымывания из него ценности «российскости», что с неизбежностью приведет к активизации отрыва от России; формы этого отрыва станут носить конкретно-исторический характер. Мы далеки от политического эсхатологизма и не говорим, что «так и будет»: мы только хотим сказать, что «так может быть». Очевидно, что конкретные политические, экономические, социальные решения федерального центра сыграют в этом процессе не последнюю роль.

Но может осуществиться и другая возможность: при условии возрастания геополитической изоляции Калининградского эксклава, при увеличении, как некогда говорили, «международной напряженности» в массовом сознании калининградцев

могут возобладать настроения «русского фундаментализма» вкупе с православным клерикализмом, что может привести к этноконфессиональным столкновениям в регионе. Как отмечает И. В. Кондаков, «пограничным культурам свойствен переменный модус открытости/закрытости и неустойчивый баланс центробежных и центростремительных процессов, в одних случаях стремящихся к преодолению смысловой определенности данной культуры, в других — к предельно жесткому ее обозначению и институциональному охранению»⁶⁷.

Обе указанные возможности социокультурной динамики на перспективу представляются равно «могущими быть» и равно нежелательными. Оптимальным полагаем развитие калининградской региональной субкультуры в сторону формирования «русского европейца» как субъекта-носителя ценностей толерантности, экуменизма, свободы и ответственности личности, т. е. тех ценностей, которые, как отмечает В. К. Кантор, позволят «жить в Европе, не выезжая из России»⁶⁸. Особая роль в формировании личности «русского европейца» в эксклавном регионе принадлежит образованию вообще и классическому университету в частности, но это уже предмет особого исследования.

И последнее: этнокультурную идентификацию молодого поколения калининградцев все более обуславливает культурная маргинальность. Последняя может быть определена как «положение и особенности жизнедеятельности групп и отдельных индивидов, чьи установки, ценностные ориентации, модели поведения соотнесены (реально или в интенции) с различными культурными системами и проистекающими из них требованиями, но ни в одну из данных систем не интегрирова-

⁶⁷ Кондаков И. В. Указ. соч. С. 167.

⁶⁸ Кантор В. К. Калининград, Россия, Европа: проблема понимания // На перекрестке культур: русские в Балтийском регионе. Вып. 7: в 2 ч. / под общ. ред. А. П. Клемешева. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. Ч. 1. С. 17.

ны полностью»⁶⁹. Культурная маргинальность характеризуется расшатыванием нормативно-ценностных установок, даже определенной аномией. Культурное пространство становится, если можно так сказать, более подвижным, эластичным. С одной стороны, это весьма положительное обстоятельство, так как увеличивается открытость культурного пространства, возрастает инновационный потенциал культурных форм, расширяются возможности актуализации синергетических факторов социокультурной динамики, возможности самоорганизации культурных систем. С другой стороны, в условиях маргинализации радикально возрастают угрозы социальных рисков, способных существенно препятствовать устойчивому развитию и воспроизводству социума. Очевидно, что нет необходимости доказывать, как важно учитывать данное обстоятельство при осуществлении культурной, и прежде всего образовательной, политики в условиях калининградской региональной субкультуры, при разработке долгосрочных стратегий управления социокультурной динамикой в регионе.

⁶⁹ *Культурология* / под ред. Ю. Н. Солониной, М. С. Кагана. М.: Высшее образование, 2005. С. 541—542.

III. Картина мира и образ мира в системе калининградской региональной субкультуры

Процесс осмысления феномена калининградской региональной субкультуры на определенном этапе исследования «привел» нас к триаде понятий «картина мира», «образ мира» «модель мира». Эти понятия весьма активно используются в специальной литературе, ибо достаточно эвристически плодотворны для понимания культурных феноменов, для анализа трансформаций «ставшего» в «становящееся» в социокультурной реальности. Однако содержательная экспликация понятий «картина мира», «образ мира», «модель мира» весьма затруднена в силу смысловой многозначности и контекстуальности терминов. Это обстоятельство подробно рассмотрено в трудах видных отечественных исследователей Л. А. Микешиной⁷⁰ и В. С. Стёпина⁷¹. Они отмечают и предельно расширительное толкование термина «картина мира», отождествляющее последнюю с мировоззрением; и сведение «картины» к

⁷⁰ См.: Микешина Л. А. *Философия науки*. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006.

⁷¹ См.: Стёпин В. С. *Теоретическое знание*. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

модели мира, интегральному образу, онтологической схеме, картине реальности. Примечательно, что в таком авторитетном справочном издании, как «Новая философская энциклопедия» статья «Картина мира» имеет отсылку к статье «Научная картина мира», автором которой является В. С. Стёпин⁷². Справедливости ради, нужно отметить, что В. С. Стёпин все-таки не редуцирует понятие «картина мира» к понятию «научная картина мира» и отмечает в другой своей работе, что термин «картина мира» в современной литературе применяется для «обозначения мировоззренческих структур, лежащих в фундаменте культуры определенной исторической эпохи. В этом значении используются также термины «образ мира», «модель мира», «видение мира», характеризующие целостность мировоззрения. Структура картины мира при таком подходе задается через систему так называемых категорий культуры (универсалий культуры)»⁷³. Такое понимание картины мира в отечественной культурологии принято связывать, прежде всего, с именами А. Я. Гуревича⁷⁴ и Ю. С. Степанова⁷⁵. При этом нельзя не обратить внимание на то, что статья «Картина мира» вообще отсутствует в таком весьма известном культурологическом энциклопедическом издании, как «Культурология. XX век»⁷⁶.

Научную картину мира и картину мира в гуманитарном познании уверенно и аргументированно, на наш взгляд, разделяет Л. А. Микешина. Под первой она понимает «особую сложноструктурированную логическую форму научного зна-

⁷² *Новая философская энциклопедия*: в 4 т. М.: Мысль, 2000—2001. Т. 2. С. 226; Т. 3. С. 32—34.

⁷³ *Стёпин В. С.* Указ. соч. С. 190.

⁷⁴ См.: *Гуревич А. Я.* Избранные труды. Т. 2: Средневековый мир. М.; СПб.: Университетская книга, 1999.

⁷⁵ См.: *Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001.

⁷⁶ *Культурология. XX век: энциклопедия*. Т. 1. СПб.: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998.

ния, представляющую мир в его целостности»⁷⁷. Опираясь на богатую философскую традицию (В. Дильтей, Л. Витгенштейн, М. Вебер), Л. А. Микешина отмечает, что «понимание картины мира в науках о культуре невозможно без ориентации на человека — понимания его места в мире и способов видения им этого мира. Соответственно здесь нет такого противопоставления субъекта и мира, как в естественнонаучной картине мира, но описываются лишь типы понимания мира, включающие и самого человека»⁷⁸. При этом особое внимание исследователь уделяет понятиям «языковая картина мира», «художественная картина мира». Синонимы последней, по мнению Л. А. Микешиной, — это «художественная модель мира, видение мира, образ мира. Как внутренние константы картины мира рассматриваются основная идея, жанр как тип отношения к окружающей жизни, преобладающие темы и образы, системы средств художественной выразительности»⁷⁹.

Учитывая все вышеизложенное, попытаемся «развести» понятия «картина мира», «образ мира», «модель мира». Ввиду очень слабой разработанности этого сложного вопроса мы не берем на себя смелость внести в него полную ясность, при этом, разделяя точку зрения Л. А. Микешиной, утверждавшей, что «окончательные, исчерпывающие определения... в гуманитарном знании вообще, по-видимому, невозможны, и дело не в полноте или глубине исследования, но в свойстве самого «материала», который объективно неопределен, исторически изменчив, не допускает проведения абсолютно точных границ»⁸⁰. И тем не менее, на наш взгляд, нельзя отождествлять понятия «картина мира» и «научная картина мира»: первое очевидно шире второго. Нам близка точка зрения, представленная выше, согласно которой картина мира — это, преж-

⁷⁷ Микешина Л. А. Указ. соч. С. 323.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 330.

⁸⁰ Микешина Л. А. Эпистемология ценностей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 379.

де всего, мировоззренческое образование, т. е. системное представление человека о конкретной действительности — о мире и месте человека в нем, о взаимоотношениях человека с природой, обществом, другими людьми, самим собой. Содержание этих представлений «задается» системой ценностей и репрезентируется через систему культурных универсалий.

В данном контексте понятие «образ мира» отражает, на наш взгляд, преимущественно определенный результат процессов мировосприятия и мироощущения. Такая трактовка образа в современной философии и психологии восходит к эстетике Г. В. Ф. Гегеля, утверждавшего, что образ «являет нашему взору не абстрактную сущность, а конкретную действительность»⁸¹. Субъект воспринимает реальность не как ее зеркальное отражение: видение им мира, вернее, актуально значимой его части, сугубо индивидуально и в значительной степени базируется на перцептивных впечатлениях, на получении сенсорной информации. Складывающийся образ мира — это «субъективное эмоционально-когнитивное образование, являющееся носителем индивидуального видения (в широком смысле) реальности, а следовательно, и взаимодействие с ней»⁸². Думается, что образ мира более субъектен, нежели картина мира, а его содержанием является индивидуальный, личностный по способу получения и существования результат процесса когний.

Понятие «когниция» — центральное понятие когнитологии — уже достаточно укоренилось в пространстве профессионального дискурса. В настоящее время принято считать, что когниция — это процесс когнитивной обработки и переработки информации, нейрофизиологически, психологически и социокультурно обусловленный. Понятие «когниция» этимологически сочетает значения «двух латинских терминов — *cognitio* и *cogitation* — оно передает смыслы «познание» и «познавание» (т. е. фиксируя как процесс приобретения знаний

⁸¹ Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. М.: Искусство, 1973. Т. 4. С. 609—610.

⁸² Баксанский О. Е., Кучер Е. Н. Современный когнитивный подход к категории «образ мира» // Вопросы философии. 2002. № 8. С. 52.

и опыта, так и его результаты), а также «мышление», «размышление». Чаще всего оно обозначает познавательный процесс или же совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов — восприятия мира, простого наблюдения за окружающим, категоризации, мышления, речи и пр., служащих обработке и переработке информации, поступающей к человеку либо извне по разным чувственно-перцептуальным каналам, либо уже интериоризированной и реинтерпретируемой человеком»⁸³. Думается, что в указанном смысле когниция и составляет содержание понятия «модель мира». Сошлемся на авторитет А. Я. Гуревича, который, как нам кажется, именно в этом смысловом значении использует понятие «модель мира». В работе «Категории средневековой культуры» он пишет: «Модель мира» — достаточно устойчивое образование, определяющее человеческие восприятия и переживания действительности в течение длительного периода; в Средние века, когда развитие и изменение совершались очень медленно, несравненно медленнее, нежели в Новое и Новейшее время, общая картина мира неизбежно оказывалась чрезвычайно стабильной»⁸⁴.

Для укрепления своей позиции привлечем еще одного авторитетнейшего исследователя, видного культуролога и историка искусства — Г. К. Вагнера, который весьма убедительно «разводит» понятия «картина мира», «образ мира», «модель мира», используя их в определенно разных смысловых контекстах при анализе становления христианской культуры⁸⁵. Эти смысловые контексты Г. К. Вагнера мы понимаем следующим образом. Библия предстает текстом-компендиумом, отражающим религиозную картину мира и конструирующим

⁸³ *Краткий словарь когнитивных терминов* / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. С. 81.

⁸⁴ *Гуревич А. Я.* Указ. соч. С. 38.

⁸⁵ См.: *Вагнер Г. К.* Искусство мыслить в камне: (опыт функциональной типологии памятников древнерусской архитектуры). М.: Наука, 1990. С. 5—27.

христианское мировоззрение верующих. Христианский храм (впоследствии — католический, протестантский или православный) с его архитектурой, организацией и оформлением внутривхрамового пространства — это образ мира как конкретное воплощение «библейской действительности». А когнитивный процесс «познавания», познания и интерпретации мира через христианские образы и символы представляет собой модель мира. В современной философской периодике весьма эвристически плодотворным представляется анализ категории «образ мира», предпринятый О. Е. Баксанским и Е. Н. Кучер⁸⁶.

От теоретико-методологических «сюжетов» перейдем к рассмотрению социокультурных реалий. В условиях калининградской региональной субкультуры картина мира по преимуществу общероссийская. Как отмечают В. С. Жидков и К. Б. Соколов, «общенациональная картина мира — это ядро культуры, которое обеспечивает взаимопонимание представителей различных субкультур, входящих в данную культурную общность. В основе такого взаимопонимания лежит язык данной культуры»⁸⁷. Картина мира — это в значительной мере результат социального наследования, это преимущественно «ставшее» в духовной организации субъекта (ценности, культурные константы). Образ же мира — во многом процесс «становящегося», духовной самоорганизации личности, стимулом которой является изменение ценностных ориентаций. Полагаем, что можно говорить об особом, отличном от общероссийского, образе мира значительной части калининградцев, и прежде всего молодых, чье формирование происходило в условиях калининградской региональной субкультуры (наличие которой стало очевидным к середине 90-х годов прошлого века).

Специфический калининградский образ мира очевидно иллюстрируется художественными текстами. Вообще, роль искусства в репрезентации и формировании образа мира той

⁸⁶ Баксанский О. Е., Кучер Е. Н. Указ. соч.

⁸⁷ Жидков В. С., Соколов К. Б. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. СПб.: Алетейя, 2001. С. 63.

или иной культуры трудно переоценить. Как известно, Гегель определял искусство как умение мыслить в образах. «Именно искусство, — писал он, — доводит до сознания истину в виде чувственного образа, и притом такого чувственного образа, который в самом своем явлении имеет высший, более глубокий смысл и значение»⁸⁸. Произведение искусства целостно воссоздает мир, становясь в известной мере «энциклопедией жизни», зеркалом культуры, «самосознанием культуры», и т. д. Автор (поэт, художник, музыкант), являясь представителем той или иной культуры, интуитивно улавливает ее глубинные трансформации, смыслы и ценности и в художественных образах запечатлевает образы мира, одновременно видоизменяя и уточняя их в соответствии со своим видением, творческим кредо и веяниями времени. Становясь достоянием публики, образ мира, воплощенный в художественном произведении, оказывает влияние на образы мира реципиента (читателя, слушателя, зрителя). Так поэтические образы Н. А. Некрасова, А. А. Блока, С. А. Есенина стали неотъемлемой частью образа мира русской культуры. Так же, как и художественные образы, созданные в пейзажной живописи И. И. Левитаном, И. И. Шишкиным, А. К. Саврасовым. Исследователи отмечают, что в их творчестве происходит символизация ландшафта центральной России. «Многие из их произведений можно рассматривать в качестве национальной иконы, понимаемой как репрезентация «русскости», как «портрет границ нации». Центральная Россия стала символически значимой территорией российского ландшафта во многом благодаря передвижникам»⁸⁹. Очевидна роль музыки М. И. Глинки, А. П. Бородина, М. П. Мусоргского, П. И. Чайковского в формировании образа России.

⁸⁸ Гегель Г. В. Ф. Лекции по эстетике // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. М.: Искусство, 1967. Т. 3. С. 175.

⁸⁹ Лукина А. В. Технология производства и утверждения национальной идентичности // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В. С. Магун. М.: Изд-во ИС РАН, 2006. С. 247—248.

Думается, уместным будет отметить тот интерес, который проявляют современные исследователи — как зарубежные, так и российские — к проблеме влияния образов искусства на процесс формирования групповой идентичности, в том числе этнической и национальной. В качестве примера можно сослаться на получившую широкую известность книгу Б. Андерсона «Воображаемые сообщества»⁹⁰, в которой автор убедительно показал роль английского искусства конца XVIII и XIX века (прежде всего литературы и пейзажной живописи) «в процессе репрезентации того «воображаемого сообщества», которым является нация»⁹¹, и соответственно в процессе сложения британской имперской идентичности. Различные аспекты этой проблемы нашли подробное и квалифицированное обсуждение на страницах книги В. С. Жидкова и К. Б. Соколова «Искусство и картина мира»⁹².

Представляется важным еще раз указать на сложный и взаимообратный характер рассматриваемого процесса. С одной стороны, искусство репрезентирует уже имеющиеся у представителей той или иной культуры образы мира, с другой стороны, выражая их в эстетически значимой, яркой художественной форме, искусство способствует их более широкому распространению и фиксации в качестве символических образов, становящихся маркерами групповой идентичности. Таким образом, анализ художественных текстов может дать богатый материал для реконструкции образов мира, выявления ценностных ориентаций и соответственно исследования идентичности.

Попробуем показать это на материале художественной культуры Калининграда. Произведения искусства калинин-

⁹⁰ См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: Канон-Пресс, 2001.

⁹¹ Там же. С. 48.

⁹² См.: Жидков В. С., Соколов К. Б. Искусство и картина мира. СПб.: Алетейя, 2003.

градских авторов дают возможность для реконструкции специфического калининградского образа мира⁹³. Мы основываем свои наблюдения прежде всего на материалах литературных текстов и художественных выставок последних лет, в том числе подготовленных в связи с празднованием 750-летия города в 2005 году и 60-летия Калининградской области в 2006 году. Эти юбилеи стали важными событиями, заставившими многих калининградцев — обычных горожан, политиков, художников и др. — задуматься над вопросами об образе и судьбе Калининграда, о связи истории и современности. Не претендуя на полноту охвата материала и соответственно на окончательный характер делаемых выводов, рискнем предположить, что калининградский образ мира за более чем 60-летнюю послевоенную историю претерпел определенную трансформацию.

Точкой отсчета всегда была Вторая мировая война как причина самого существования Калининградской области. В конце 40-х годов родились эти строки (авторство нам установить не удалось):

В славном сорок пятом ты пришел солдатом
К берегам Прибалтики русский человек.
И сказал: «Довольно! Чтобы не быть войнам,
Пусть земля советской будет здесь навек!»
Псковичи, смоляне, москвичи, куряне,
Вы в труде не знали никаких преград,
Отдыха не знали, из руин подняли
Славный русский город — наш Калининград!

⁹³ Стоит отметить, что сами авторы вполне осознают свою роль в формировании региональной идентичности. См., например, вступительную редакторскую статью О.Б. Глушкина к сборнику «Антология калининградского рассказа», изданному к 60-летию образования Калининградской области: *Глушкин О. В зеркалах времени // Антология калининградского рассказа / сост. О.Б. Глушкин. Калининград: ИП Мишуткина И. В., 2006. С. 4—6.*

Военные сюжеты в течение всех 60 лет сохраняли свою значимость, хотя характер обращения к этой теме, конечно, менялся со временем. Тема войны настолько обширна, что требует специального рассмотрения, на данном этапе ограничимся лишь констатацией факта. Также вне сферы нашего внимания остаются художественные тексты 50-х годов, — для их выявления необходимо предпринять специальные усилия.

Материал искусства 60—80-х годов позволяет говорить о типично советском образе Калининграда. Он складывался под мощным давлением советской идеологии и неудивительно, что на полотнах калининградских художников этого времени практически нет столь привычных для сегодняшнего зрителя примет довоенного прошлого. Господствует поэтика трудовых советских будней: строительные краны, остовы возводимых домов, строящихся кораблей, суровые лица героев «трудового фронта»: моряков, рыбаков, строителей. Военная тематика отбрасывала и делала более значимыми усилия людей в мирной жизни:

Гудят корабли. В твоих портах
перекликаются океаны...
И дома утопают в садах
на земле, залечившей раны.
Ты весь в новостройках: туго с жильем.
Вручаешь ключи не каждой невесте.
Но навечно в сердце твоём
прописаны **тысяча двести** (А. Самусевич)⁹⁴.

Такой калининградский образ мира видится и в графических композициях А. Шевченко, живописных полотнах М. Пяскового, Н. Карякина, И. Гершбурга, в прозе калининградских писателей: К. Бадигина, Ю. Иванова, Б. Нисневича.

⁹⁴ Самусевич А. Возрожденный из пепла // Запад России. 1997. № 1 (18). С. 41.

Ситуация значительно меняется в конце 80-х годов, когда стало возможным открытое выражение внимания и интереса к памятникам довоенного прошлого. По-видимому, оно и раньше волновало и привлекало калининградцев, многие из которых оказались коллекционерами открыток, фотографий с видами довоенного Кёнигсберга, предметов быта, найденных при проведении различного рода земляных работ. В произведениях искусства мощно зазвучала тема разрушенного Кёнигсберга, стал складываться образ «города-призрака», продолжающего жить в руинах Собора и кирх, остатках крепостных сооружений, в воспоминаниях о Замке, в мифах о подземном городе:

но жив еще готический мотив
кирпичных зданий шпилей и мостов
и город-призрак проявляется как будто
давно был сделан снимок, но готов
лишь нынче оказался и когда
на город мой прольется тишина
вдруг время поворачивает вспять —
выходит память — как река — из берегов
и гофмановский кот неслышно
входит... (А. Тозик)⁹⁵.

Улицы старого Кёнигсберга, руины, шпили, Замок, Собор, Кант, Гофман — символы иной культуры, волею судеб оказавшейся тесно связанной с настоящим, во множестве появились на полотнах калининградских художников: Б. Булгакова, О. Пянова, В. Рябилина, Н. Смирнягиной и многих других. В пространстве художественной культуры Калининграда стал активно формироваться образ Города, особенного, неповторимого, с уникальной судьбой; утвердился символический ряд, некий набор маркеров, абсолютно узнаваемых и эмоционально переживаемых. Об этом пишет калининградский поэт Сэм Симкин:

⁹⁵ Тозик А. Стихотворения // Запад России. 1997. №1 (18). С. 77.

Меты, меты города, которые
с нами,
как надежда и любовь,
навсегда,
как входит кровь в историю,
как история вошла нам в кровь⁹⁶.

В первой половине 90-х годов после распада Советского Союза, отделения прибалтийских государств, неизбежно возникает острая реакция на сложившуюся ситуацию удаленности и оторванности области от «материковой» России. Складывается образ «острова», волнующий и тревожащий своей отдаленностью от материка и непредсказуемостью судьбы. На этом фоне волна интереса к довоенному Кёнигсбергу вызвала достаточно мощное движение в противоположном направлении: поиски следов русского российского присутствия на территории бывшей Восточной Пруссии. Вероятно, такого рода факты создавали, пусть иллюзорное, впечатление некоей большей укорененности русской культуры на этой земле. Появилась серия книг о пребывании здесь Петра I⁹⁷, о русских в Кёнигсберге⁹⁸, установлены памятники Петру I, его дочери — российской императрице Елизавете (самая большая в мире женская конная статуя, установленная в Балтийске в 2003 году, скульптор Г. Франгулян), М. Кутузову, В. Высоцкому, мемориальная доска И. Бродскому. В области появился даже

⁹⁶ Симкин С. Меты // Лики родной земли: произведения российских, немецких, польских и литовских авторов. Калининград, 1999. С. 111.

⁹⁷ См.: Карпов Г. М. Великое посольство и первое заграничное путешествие Петра I. 1697—1698. Калининград: Янтар. сказ, 1997; Кретинин Г. В. Прусские маршруты Петра Первого. Калининград: Янтар. сказ, 1996.

⁹⁸ См.: Кретинин Г. В. Под Российской короной, или Русские в Кёнигсберге. 1758—1762. Калининград: Янтар. сказ, 1996; Костяшов Ю. В., Кретинин Г. В. Петровское начало: Кёнигсбергский университет и российское просвещение в XVIII веке. Калининград: Янтар. сказ, 1999; Костяшов Ю., Кретинин Г. Россияне в Восточной Пруссии: в 2 ч. Калининград: ФГУИПП Янтар. сказ, 2001.

школьный музей Н. Гумилева (пос. Победино Краснознаменского района). Поэт весьма кратковременно побывал в этом «уголке» Восточной Пруссии во время Первой мировой войны, что стало поводом для создания музея и соответственно «прибавления» поэта к калининградскому образу мира. Стали актуальными любые самые тонкие ниточки, связывающие область с «материком». Эти процессы не всегда инициированы властями, во многом они шли на уровне самоорганизации. Используя термины синергетики, можно сказать, что в ситуации неопределенности система вырабатывала элементы для будущей «нестабильной стабильности».

Есть ощущение, что в художественных текстах последних лет репрезентируется образ мира чуть более устойчивый, чем прежде, в котором прошлое и настоящее не столько противостоят друг другу, сколько взаимодействуют. Речь идет, если не о синтезе, то, как минимум, о симбиозе старого и нового, о сложном переплетении культурных реалий. Стоит подчеркнуть, что речь идет не о синтезе немецкой и русской культур, а о включении в образ мира калининградской региональной субкультуры элементов довоенного культурного наследия (ландшафт, памятники архитектуры, исторические события, отдельные персонажи). О значимости этих элементов в образе мира многих калининградцев свидетельствуют результаты конкурса «Семь шедевров янтарного края», проведенного газетой «Комсомольская правда» в 2007 году. В голосовании приняли участие более 4200 калининградцев, которые отдали приоритет семи довоенным памятникам архитектуры (Кафедральный собор, Королевские ворота, башня Дона, Театр кукол, здание филармонии, мост королевы Луизы в Советске и Дворец культуры моряков). Из построек послевоенного времени на 9-м месте оказался храм Христа Спасителя в Калининграде, ему не хватило около ста голосов, чтобы попасть в число победителей. Архитектурные памятники, ныне существующие и давно разрушенные, образы реальных личностей, прославивших когда-то Кёнигсберг — Канта, Гофмана, королевы Луизы, и образы вымышленных литературных героев, кёнигсбергские

марципаны и клопсы⁹⁹ и т. д. и т. п. — становятся неотъемлемыми элементами калининградского образа мира. Для мозаичного образа Кёнигсберга, сложившегося у многих молодых калининградцев, характерно именно такое смешение надбытового и обыденного, литературно-художественного, исторического и повседневного.

Показательно в данном отношении творчество калининградского художника Олега Пьянова. В 2005 году у него состоялась персональная выставка в областной Художественной галерее под названием «Мой город». Образ города у художника (Калининграда, Правдинска, Гвардейска?) является «крутой смесью» восточнопрусского — с костромским ли, нижегородским, рязанским (?) — с российским. Хорошо узнаваемые восточнопрусские дома с черепичными красными крышами совсем не напоминают «заграницу» — чуть покосившиеся, будто пританцовывающие, — они существуют в условиях уже иного образа жизни, иной культуры, впитав ее дух и настрой. Рядом с домом — узнаваемый образ русского мужика, чуть лубочный, но не карикатурный. Своеобразный солнечный колорит этих картин Пьянова рождает ассоциации с другим символом этой земли — янтарем, придавая образу мира, представленному в его картинах, некую абсолютную завершенность.

Особый «образ калининградского мира» предстает в живописи художника Бориса Булгакова, чья персональная выставка состоялась в калининградском Доме художников в марте 2010 года. Самобытная старина региона: покосившиеся немецкие дома с высокими черепичными кровлями, старые плодовые деревья (явно остатки довоенных садов); православные сюжеты — все сливается в некий вполне узнаваемый, близкий зрителю художественный сплав «очень русского» и одновременно

⁹⁹ Медиагруппа «Западная пресса» открыла первый новостной сайт Калининграда — klops.ru, объясняя название следующим образом: «Клопс, на наш взгляд, расставил все по своим местам. Во-первых, это горячее, как новости, блюдо. Во-вторых, кёнигсбергские клопсы — **это наша история**» (!). См.: Комсомольская правда в Калининграде. 2007. 27 сент. — 4 окт. С. 2.

«очень восточнопрусского». В этом контексте значительное впечатление производят небольшие работы мастера — «Молитва в старом доме», «Яблоки на снегу». Характерный для построек побережья скромный, очень непрезентабельный старый немецкий домик, старуха с вязанкой хвороста, забравшийся на утлую деревянную лестницу парень в тельняшке, обрезающий раскидистые ветви большой яблони — это сюжет очень тонкой и пронзительной по настроению работы художника «Весна на Балтике». На полотне отображена парадоксальная социокультурная реальность, которую метафорически-ассоциативно можно обозначить как «у нас на кёнигсберщине». В представленной на выставке живописи Б. Булгакова явно «читаются» настроения определенной ностальгии (Восточная Пруссия в культурном отношении — Атлантида XX века¹⁰⁰), глубокой духовной укорененности, фундированности русской культуры (православно-интерпретированные сюжеты Священного Писания) и некоей культурной маргинальности («со-движение» старых и новых культурных форм). Колорит полотен и изобразительные приемы, используемые художником, весьма характерны. Изобилие бледной охры, вся гамма коричневого цвета вызывают ассоциации с янтарем; сероватоголубоватые, «прозрачно-призрачные» тона, полуразмытые контуры и дымка своеобразного «сфумато» — с «седой Балтикой», с непредсказуемой прибалтийской погодой. Художественный образ калининградского мира у Б. Булгакова вполне узнаваем и завершен.

¹⁰⁰ В этом контексте не можем не отметить рассказ почти забытого ныне советского писателя Ю. Д. Полухина «Исход», повествующий о впечатлениях коренного кёнигсбержца, депортированного в 1948 году и посетившего Калининград в 70-е годы прошлого века (*Полухин Ю.* Верность странника: рассказы, портреты, этюды, эссе. М.: Советский писатель, 1987). Горькое понимание исторической справедливости и возмездия отличает книгу мемуаров Михаэля Вика «Закат Кёнигсберга» (*Вик М.* Закат Кёнигсберга: свидетельство немецкого еврея. СПб.: Гиперион; Потсдам: Немецкий форум восточноевропейской культуры, 2004).

Подытожим сказанное. Во-первых, отметим, что художественные тексты калининградских авторов позволяют констатировать существование особого образа мира, присущего жителям Калининградского региона, и уловить происходящие в нем трансформации: его текучесть, подвижность, связанные с изменением ценностных ориентаций в обществе. Это вполне подтверждает наши прежние выводы о наличии особой калининградской идентичности, складывающейся в рамках калининградской региональной субкультуры, яркой отличительной особенностью которой является ее «пограничность». Во-вторых, подчеркнем значимость работы с художественными текстами. Приоритетное значение художественного материала в контексте данных исследований связано со специфической особенностью искусства — способностью целостно воспроизводить мир. Искусство в яркой чувственно воспринимаемой форме фиксирует образы мира, делая их доступными для восприятия зрителя и обеспечивая мощное воздействие на широкую аудиторию. Как отмечает Л. А. Микешина, «социокультурная интерпретация текста ставит проблему не только его существования как феномена культуры, но и отображения в нем социальных реалий. На первый план выступает не лингвистическая и не художественная, но эпистемологическая характеристика текста»¹⁰⁶. Последовательная серьезная работа с художественным материалом может позволить реконструировать и проанализировать специфический образ мира, сложившийся в условиях калининградской региональной субкультуры, и тем самым способствовать исследованию калининградской идентичности.

Итак, в любой крупной культурной общности общенациональная картина мира обеспечивает существование и воспроизводство культурного ядра — устойчивой базовой целостности, которая создает условия для взаимопонимания и успешного взаимодействия различных субкультур в пространстве доминирующей культуры. В основе такого взаимопонимания

¹⁰⁶ Микешина Л. А. *Философия познания. Полемические главы*. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 118.

и взаимодействия лежит язык данной культуры и ее базовые ценности, культурные константы. Картина мира социально на-
следуется, репрезентируется в ментальности.

Образ мира «задается» не только системой ценностей, но и ценностными ориентациями, присущими данному субъекту культуры. Образ мира — система наглядных представлений о мире и месте человека в нем, сведений о взаимоотношениях человека с действительностью и с самим собой. Образы и сведения, входящие в эту систему, могут быть зрительными, слуховыми, осязательными, обонятельными. Они могут быть рационально и эмоционально окрашенными. Образ мира, существующий в сознании и шире — в психике — отдельного человека, является для него картой и компасом, позволяющими ориентироваться в мире, выделять главное, формировать свои отношения с миром. Этот образ мира сознательно и бессознательно поддерживается нашей деятельностью, воплощается в речевых и поведенческих практиках, в художественном творчестве, в образах искусства и т. п. Многолетние наблюдения и исследования дают нам возможность утверждать, что в условиях калининградской региональной субкультуры картина мира, по преимуществу, общероссийская со всеми присущими ее особенностями. При этом можно говорить об особом образе мира значительной части калининградцев, чья инкультурация осуществляется в культурном пространстве эксклавного социума.

IV. «Калининградский текст» в пространстве калининградской региональной субкультуры

Анализ калининградских художественных текстов позволил выявить их достаточно большое содержательное сходство. В поэзии и прозе калининградских авторов, на живописных полотнах, графических листах, в документальной и художественной фотографии мы встречаем одних и тех же героев, отмечаем большое сходство в выборе фактов, тем, сюжетов, архитектурных объектов, ландшафтов и т. д. Сходство не ограничивается только отбором неких элементов, общими являются и система акцентов, оценок, сам язык описания (слова, понятия, визуальные образы). Складывается ощущение, что мы имеем дело с неким символично-мифологическим смысловым единством, своеобразным «текстом текстов» или сверхтекстом, который «прорастает» в различного рода текстах культуры: вербальных и визуальных, художественных и политических, «сакральных» и «профаных».

Понятия «текст», «сверхтекст», «метатекст», «гипертекст» применительно к явлениям культуры широко представлены в современной философской и культурологической литературе. Структурализм способствовал распространению понимания того, что в качестве текста могут рассматриваться не только высказывания на естественных языках, но любое явление

культуры как знаковое образование, участвующее в коммуникации. Все артефакты культуры (то есть объекты, созданные человеком: материальные, интеллектуальные, художественные, а также — технологии деятельности, поведенческие акты, способы коммуникации и т. п.) обладают семиотическим модусом, являясь носителями информации о культуре и обществе, их создавших. В последнем случае артефакты культуры выступают в качестве знаков и рассматриваются исследователями как культурные тексты. Под «текстом» понимается особым образом организованное смысловое и знаковое образование, обладающее внутренним единством и семантической целостностью, участвующее в коммуникативном процессе. На основе множества текстов той или иной культуры образуются свертхтекст (гипертекст, метатекст), воплощающий элементы и структуру образа мира и картины мира данной культуры, ее социокультурные коды.

Так, известный российский историк философии и эстетики В. В. Бычков формулирует концепт «гипертекста», укоренившегося в структуралистском дискурсе, следующим образом: «Суть его состоит в том, что культура в целом, как и все ее фрагменты, включая и обычные вербальные тексты, рассматриваются в качестве некоей целостной структуры, складывающейся из совокупности текстов, определенным образом внутренне и (или) внешне связанных (или коррелирующих) между собой. Часто эти связи трудно вербализуемы, но они ощущаются исследователем, сумевшим проникнуть в суть данного гипертекста, войти в его «святая святых», или — найти некий шифр для его прочтения. Можно говорить, например, о западноевропейской средневековой культуре как о своеобразном гипертексте, который складывается из текстов религии, искусства, народной культуры, государственности и т. п.»¹⁰⁷.

¹⁰⁷ Бычков В. Гипертекст // Лексикон неонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. М.: РОССПЭН, 2003. С. 133.

Этот же феномен анализировал Ю. М. Лотман в работе 1969 года¹⁰⁸, где он ввел и обосновал понятие *текста культуры* как некоего текста-конструкта, который представляет собой «инвариант всех текстов, принадлежащих данному культурному типу», а сами эти тексты — абсолютно разнообразного содержания, отличные друг от друга по структуре внутренней организации, как, например, тексты сакрального значения и своды юридических норм — выступают в качестве его реализации в знаковых структурах разного типа. По мнению Лотмана, такой «текст культуры представляет собой наиболее абстрактную модель действительности с позиций данной культуры. Поэтому его можно определить как *картину мира* данной культуры»¹⁰⁹. В другой работе для характеристики функции текста культуры по отношению к множеству других текстов данной культуры Лотман использует понятие метатекста. Если «культура рассматривается как совокупность текстов, тогда функция текста культуры будет выступать по отношению к текстам как своего рода **метатекст**»¹¹⁰. Из всех перечисленных терминов — «сверхтекст», «метатекст», «гипертекст», «текст культуры» — наиболее удачным нам представляется «метатекст». Им мы и будем пользоваться в дальнейшем.

Метатекст воплощает наиболее значимое содержание культуры, ее культурное ядро, элементы и структуру ее образа мира, социокультурные коды. По мнению Лотмана, «на метатекстовом уровне создается картина семиотической унификации, а на уровне описываемой им семиотической «реальности» кипит разнообразие тенденций. Если карта верхнего слоя закрашена

¹⁰⁸ См.: Лотман Ю. М. О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин, 1992. С. 386—406.

¹⁰⁹ Там же. С. 392.

¹¹⁰ Лотман Ю. М., Пятигорский А. М. Текст и функция // Там же. С. 133—142.

в одинаковый ровный цвет, то нижняя пестрит красками и множеством пересекающихся границ»¹¹¹. Эта пестрота усугубляется разнообразием языков, функционирующих в культуре: естественных (русский, французский, китайский), искусственных (языки науки, языки сигналов), вторичных языков, надстраивающихся над естественными (искусство, миф, ритуал и т. д.). «Центр семиосферы образуют наиболее развитые и структурно-организованные языки. В первую очередь, это — естественный язык данной культуры... наряду со структурно организованными языками в пространстве семиосферы теснятся частные языки, способные обслуживать лишь отдельные функции культуры и языкоподобные полуоформленные образования, которые могут быть носителями семиозиса, если их включают в семиотический контекст»¹¹².

Мы разделяем базовые положения концепции Ю. М. Лотмана, получившие распространение в семиотическом дискурсе тартуско-московской школы. Во-первых, это касается самого понимания *текста* как особым образом организованного смыслового и знакового образования, обладающего внутренним единством и семантической целостностью, существующего как пересечение точек зрения создателя текста и аудитории.

Во-вторых, понимания наиболее существенных *функций текста*. «Функция текста, — пишет Лотман, — определяется как его социальная роль, способность обслуживать определенные потребности создающего текст коллектива. Таким образом, функция текста культуры — взаимное отношение системы, ее реализации и адресата — адресанта текста»¹¹³. В разных работах Лотман называл в качестве наиболее существенных три функции: *информационную* (способность хранения и

¹¹¹ Лотман Ю. М. Семиотическое пространство // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 173.

¹¹² Там же. С. 170.

¹¹³ Лотман Ю. М., Пятигорский А. М. Текст и функция. С. 135.

передачи константной информации — это направлено на сохранение культурного ядра, что позволяет обеспечивать стабильность в развитии культуры, поддержание устойчивой идентичности); *творческую* (способность порождения новых смыслов — что обеспечивает инновационную составляющую культурного развития, позволяет усилить его адаптивный потенциал) и *функцию памяти* (конденсация культурной памяти, в том числе памяти о своих предшествующих контекстах).

В-третьих, мы принимаем лотмановскую трактовку природы и внутренней организации текста, в соответствии с которой основными признаками текста являются *выраженность, отграниченность и структурность*¹¹⁴. Первый критерий акцентирует знаковую природу текста. Способность текста выражать смысл (и главная его функция) базируется на использовании тех или иных знаков (языков), посредством которых и формулируется некое сообщение. Однако, если использовать предложенную Ф. де Соссюром¹¹⁵ антиномию языка и речи, то текст, конечно, принадлежит области речи. Лотман сопоставляет понятия семиотики «язык» и «речь» с понятиями из теории информации «код» и «сообщение». Текст богаче языка, в нем могут использоваться и взаимодействовать разные языки, различная система кодировок.

Отграниченность текста — также важнейшее условие его осмысленности, возможности формулировать сообщение, отделив его от других сообщений и иных знаковых и незнаковых образований. Текст — целостное образование, обладающее внутренним единством, «отграниченное» от окружения (контекста). «Понятие границы по-разному манифестируется в текстах различного типа: это начало и конец текстов со структурой, развертываемой во времени, рама в живописи, рампа в театре. Отграниченность конструктивного (художественного)

¹¹⁴ См.: Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство. СПб., 1998. С. 14—285.

¹¹⁵ См.: Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: Логос, 1998.

пространства от неконструктивного становится основным средством языка скульптуры и архитектуры»¹¹⁶. Последний критерий — *структурность* — характеризует внутреннюю организацию текста, который является не простой последовательностью знаков, а особым пространством, существующим по своим законам.

Метатекст, как любой текст, в полной мере обладает всеми этими признаками. Кроме того, в структуре метатекста Лотман выделял два вида подтекстов. Первая группа подтекстов характеризует космологическую, географическую, социальную и прочие структуры мира, вторая — место, положение и деятельность человека в окружающем его мире. Первые отличает неподвижность, статичность. Они воспроизводят пространственную, социальную, религиозную, этическую конструкцию мира, аксиологическую иерархию: верх-низ, правое-левое, концентрическое-эксцентрическое, поюстороннее-потустороннее, инклюзивное-экслюзивное. Вторая группа текстов динамична, она описывает движение некоего субъекта внутри континиума, отличается сюжетностью. Таким образом, структура метатекста такова, что она позволяет запечатлеть как «ставшее», так и «становящееся» в культуре.

В контексте обсуждаемой проблемы наиболее интересен вопрос о механизмах формирования метатекста в культуре. Как известно, Ю. М. Лотман определял культуру как семиосферу, подчеркивая таким образом значимость семиотического измерения культурного пространства. «Подобное наименование оправданно, — пишет Лотман, — поскольку, подобно биосфере, являющейся, с одной стороны, совокупностью и органическим единством живого вещества, по определению введшего это понятие академика В. И. Вернадского, а с другой стороны, — условием продолжения существования жизни, семиосфера — и результат, и условие развития культуры»¹¹⁷.

¹¹⁶ Лотман Ю. М. Структура художественного текста. С. 61.

¹¹⁷ Лотман Ю. М. Семиотическое пространство. С. 165, 166.

Культура как семиосфера является пространством семиозиса — непрерывного процесса кодирования культурной информации, запечатления ее в знаках и знаковых системах, создания, таким образом, множества культурных текстов и одновременно метатекста или текста культуры. В этом смысле можно говорить о метатексте того или иного культурно-исторического типа, исторической эпохи: европейского Средневековья, Возрождения. Возможна постановка вопроса о метатексте субкультур, например субкультуры хиппи, и т.д. Метатекст воплощает особенности культуры, господствующий в ней образ мира и картину мира, культурный хронотоп, систему смыслов и ценностей.

В предыдущей главе мы предприняли попытку развести концепты «картина мира» и «образ мира». В нашем понимании, картина мира как мировоззренческое образование — это результат социального наследования, она связана с ядром культуры и отражает преимущественно «ставшее», в то время как образ мира — результат процесса мировосприятия и мироощущения, более индивидуального, чувственного, эмоционального, это — «становящееся» в культуре, это скорее «ощущение», «переживание», нежели «понимание». Природный и архитектурный ландшафт, климатические особенности, ощущение/переживание социального пространства и времени, отношение к прошлому, настоящему и будущему — элементы реально существующей действительности и выражение оценки, отношения к ним, мифы, легенды — все это воплощается в образе мира. Образ мира закрепляется нашей деятельностью, воплощается в речевых практиках, в образах искусства и т.д. Предпринятый нами выше анализ сравнительно небольшого круга художественных текстов призван был продемонстрировать наличие специфического калининградского образа мира.

Образ мира, воплощенный в той или иной знаковой форме, становится текстом. Разные тексты — художественные, религиозные, рекламные, политические и т.д. — воплощают как некие неповторимые индивидуальные переживания и пред-

ставления их создателей, так и более или менее устойчивые, распространенные стереотипы, формулы. Между текстами, находящимися в коммуникативном пространстве, складывается взаимодействие, возникает диалог смыслов, идей, образов. Происходит отбор и закрепление одних элементов (наиболее удачных по форме и точно фиксирующих значимое содержание) и отсеивание других. В результате процесса обработки информации, ее фильтрации формируется содержательное единство на метауровне — возникает метатекст, который, по выражению Лотмана, представляет собой «инвариант всех текстов, принадлежащих данному культурному типу»¹¹⁸.

Подобного рода механизм в истории формирования метатекста действует в любой культуре, однако в истории культуры есть ситуации, отличающиеся повышенной семиотичностью или сверхсемиотичностью, когда складываются метатексты особого рода, отличающиеся предельной выраженностью, смысловой монолитностью и заостренностью. Таков Петербургский текст, проанализированный В. Н. Топоровым¹¹⁹. Думается, что метатекст, сложившийся в специфических условиях калининградской региональной субкультуры, представляет собой также особого рода явление, которое по аналогии назовем «Калининградским текстом» русской культуры.

Понимая огромное различие Санкт-Петербурга и Калининграда как социокультурных феноменов, несопоставимость их места и роли в русской культуре, учитывая слишком короткую для исследований историю российского Калининграда, мы все-таки рискуем провести некоторые аналогии и поставить вопрос о возможном сложении специфического «Калининградского текста» русской культуры. Этот феномен находится

¹¹⁸ Лотман Ю. М. О метаязыке типологических описаний культуры. С. 388.

¹¹⁹ См.: Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы (Введение в тему) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследование в области мифопоэтического: избранное. М., 1995. С. 259—367.

в процессе становления, не все его особенности вполне структурировались, однако они есть, их можно анализировать. Кроме того, можно говорить о ряде социокультурных факторов, способствующих, возможно, даже обуславливающих сложение «Калининградского текста», при этом возникают определенные параллели с Петербургским текстом. Среди них, во-первых, специфическая историко-культурная ситуация (ее анализу посвящена значительная часть данной работы), которая делает Калининград городом, не похожим ни на какой другой: 700-летняя немецкая история Кёнигсберга сложно и противоречиво вплетается в 60-летнюю историю российского Калининграда. Во-вторых, ярко выраженная «эксцентричность» Калининграда. Это тоже город, стоящий «на краю», «на границе». Точнее, даже не «на границе», а «за границей», «на острове», в отрыве от материка. В-третьих, это присущая калининградской ситуации, повышенная семиотичность, даже сверхсемиотичность, связанная прежде всего с ощущением и переживанием границы.

Нельзя не согласиться с Лотманом, что «наиболее «горячими» точками семиобразовательных процессов являются границы семиосферы. Понятие границы двусмысленно. С одной стороны, она разделяет, с другой — соединяет... Граница — механизм перевода текстов чужой семиотики на язык «нашей», место трансформации «внешнего» во «внутреннее», это фильтрующая мембрана, трансформирующая чужие тексты настолько, чтобы они вписывались во внутреннюю семиотику семиосферы, оставаясь, однако, инородными»¹²⁰. На границах семиосферы процессы семиозиса происходят наиболее интенсивно. Наряду с желанием понять «чужую», соседнюю культуру неизбежно возникает потребность зафиксировать, утвердить «свою». Именно на границах — пространственных и вре-

¹²⁰ Лотман Ю.М. Понятие границы // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 183.

менных — возникают зоны повышенной семиотичности, происходит своеобразная «борьба символов».

Семиотизация границы, отделяющей и соединяющей внутреннее пространство и внешнее, «свое» и «чужое», стала важнейшим фактором, определившим процессы семиозиса в условиях калининградской региональной субкультуры. Речь может идти и о вполне реальной государственной границе, когда-то разделявшей Калининградскую область как часть СССР и Польшу, Европу, а сегодня превратившей область в «остров» в шенгенском пространстве: ощущение ограниченного замкнутого пространства, за пределы которого невозможно попасть без преодоления довольно сложных процедур, хорошо знакомо калининградцам и актуально для них. Отсюда образы: Россия — «материк», Калининградский эксклав — «остров». Не менее значимой является и семиотическая граница между разными культурными мирами (семиосферами). Можно констатировать двойной модус границы: пространственный и временной. Инокультурное окружение в пространстве дополнено наличием границы во времени: 1945 год, за которым — чужое прошлое, чужая культура, с которой нужно строить какие-то отношения. Эта граница на протяжении многих лет постоянно подчеркивалась, подчас в предельно утрированной идеологизированной форме. Но и без такого акцентирования граница постоянно напоминала о себе множеством культурных реалий. Калининградская региональная субкультура сложилась в результате сложных внутренне противоречивых процессов, активизировавшихся после распада СССР в 1991 году и «Калининградский текст» как метатекст стал ее манифестацией.

«Калининградский текст» обладает целостным содержанием, запечатленным в литературных памятниках, произведениях изобразительного искусства, политических лозунгах и слоганах, рекламных роликах, музейных экспозициях. Он представлен как в дискурсах специализированной культуры, так и в вербальных и поведенческих структурах повседневного обыденного уровня культуры. «Калининградский текст» ак-

тивно складывается параллельно с формированием калининградской региональной субкультуры в последние два десятилетия, хотя его истоки можно обнаружить в гораздо более раннее время, как минимум, в начале 60-х годов XX века. В отличие от Петербургского текста, который существует уже два столетия, «Калининградский текст» находится в процессе становления, однако уже хорошо видны его контуры и существенные элементы.

Нам представляется, что основная характеристика «Калининградского текста» — его ярко выраженная антиномичность. Своеобразным стержнем его стало постоянно происходящее сравнение/противопоставление/соединение «старого» и «нового», «своего» и «чужого», довоенного и послевоенного, немецкого и русского и т. д. Между ними сохраняется, с одной стороны, скрытое противостояние, соперничество, но, с другой стороны, все больше проявляются стремление прикоснуться к прошлому, гордость за его древность, историческую значимость, желание почувствовать это «своим». Вторая мировая война — граница, разделившая историю на «до» и «после». В антиномичности «Калининградского текста» сказывается описанная выше пограничность калининградской региональной субкультуры с ее двойным измерением: синхроническим и диахроническим.

Содержание «Калининградского текста», конечно, не исчерпывается только историко-культурными коннотациями и смыслами, оно включает в себя и природные элементы: ландшафтные, климатические, мифолого-символические и т. д. Границы текста, его структура, основные элементы, особенности языка, содержание нуждаются в дальнейшем исследовании. В данной работе мы лишь ставим вопрос о существовании особого «Калининградского текста» как метатекста, сложившегося в условиях калининградской региональной субкультуры. Пока ограничимся косвенным аргументом в пользу существования «Калининградского текста». Своеобразным кратким конспектом его основного содержания может высту-

пить анимационный ролик о Калининграде из серии «Мульти-Россия», транслируемый по местному телеканалу. В нем перечислены и изображены основные символы, дорогие сердцу калининградца: «Куршская коса, протянувшаяся на сто километров», «поющие пески», «танцующий лес», янтарные инклюзы («с комарами, которым миллионы лет»). Сообщается о том, что «раньше город назывался Кёнигсберг, в нем жил философ Кант — мудрец, известный во всем мире». Все это сопровождается характерным видеорядом: море, коса, дюны, пески, сосны, янтарь, Кафедральный собор, абсолютно узнаваемая фигура Канта, песочные часы (отсылка к XVIII веку?). И наконец, на фоне карты России, на которой Калининградская область представлена как остров, находящийся в некотором отдалении от основного материка, звучит заключительная сентенция: «Калининградская область с остальной Россией даже не граничит. Границы разные, а страна одна!»

Концепт «Калининградского текста» как метатекста калининградской региональной субкультуры требует специального теоретико-методологического обоснования и опоры на имеющийся обширный эмпирический материал, что выходит за рамки данного исследования, мы надеемся обратиться к этой теме в дальнейшем.

V. Проблема культурного разнообразия социума

Выше мы уже обращались к проблеме межкультурного взаимодействия, но представляется целесообразным посмотреть на эти процессы в цивилизационном измерении. В XX столетии в развитых странах происходили изменения в экономической, политической и социокультурной сферах, которые к восьмидесятым годам приобрели качественный системный характер и породили явление, называемое глобализацией. В последнее десятилетие прошлого века стало очевидным, что проблемы дальнейшего развития цивилизации приобретают все более выраженный планетарный характер. Идея единства человечества глубоко укоренена в отечественной философской традиции. Еще В.С Соловьёв в работе «Русская идея» писал: «...мы должны рассматривать человечество в его целом, как великое собирательное существо или социальный организм, живые члены которого представляют различные нации. С этой точки зрения, очевидно, что ни один народ не может жить в себе и для себя, но жизнь каждого народа представляет лишь определенное участие в общей жизни человечества»¹²¹. В последней четверти ушедшего века эта проблема из философской становится насущно-практической, а глобализация — объективным явлением современного социума, доминирующим вектором его развития.

¹²¹ Соловьёв В. С. Русская идея. Л.: Наука, 1990. С. 4.

Содержанием глобализации является размывание или исчезновение барьеров для перемещения информации, капиталов, вещных и символических продуктов, товаров, услуг и рабочей силы. Происходит трансгосударственный обмен идеями, предпочтениями, ценностями, поведенческими стереотипами, культурными образцами, что приводит к определенному изменению образа мира у достаточно больших контингентов людей, разных социальных общностей и групп. Образ мира в определенной степени «усредняется» в единой системе социокультурных представлений, определяющих процессы мировосприятия и мироощущения.

Как правило, исследователи выделяют следующие основные аспекты рассмотрения глобализации: экономический, технологический, экологический, демографический, политический, информационный, культурный. Глобализация может быть интерпретирована как интенсивный многовекторный интеграционный процесс, охватывающий весь современный мир, постепенно трансформирующийся в новый культурно-исторический тип — мировую цивилизацию. Возрастающая глобализационная целостность обуславливает сегодняшнюю взаимосвязанность, взаимозависимость и взаимоуязвимость различных стран и регионов, ярким подтверждением чего является недавно разразившийся мировой экономический кризис.

В современной глобалистике (междисциплинарная сфера научного знания, сложившаяся в последнее десятилетие прошлого века) существует широкий диапазон подходов к глобализации и оценок ее последствий: от позитивно-оптимистических до критически-негативистских и пессимистических; от признания уникальности этого явления до утверждения, что человечество уже знало «глобализационные волны» в XVI—XVII веках и во второй половине XIX — начале XX века¹²². Не входя в детальное рассмотрение аргументов, отметим, что по-

¹²² Гей У. Процессы глобализации и наука глобалистика // Век глобализации. 2008. № 1. С. 23—30.

лагаем равновозможным осуществление как позитивного, так и негативного сценариев развертывания глобализации — по их последствиям для человечества. Что же касается «глобализационных волн», то, относясь с уважением к доводам сторонников этой концепции, одновременно считаем глобализацию явлением исторически уникальным, беспрецедентным по своим последствиям, и прежде всего в сфере культуры.

В наиболее общем смысле культура, как мы уже отмечали, представляет собой совокупность обычаев и традиций, ценностей и норм, смыслов и идей, знаковых и символических систем, знаний, умений и навыков, когнитивных и поведенческих стереотипов (как в объективированной, так и в субъективированной формах), характерных для тех или иных социальных общностей и групп. Культура в этом контексте выполняет функции социальной ориентации, обеспечивающие принадлежность индивидов к определенному социуму, консолидацию человеческих сообществ, и в то же время — индивидуальное самоопределение личности. В культурологическом и социально-философском дискурсах социальная реальность может быть интерпретирована и через ее «культурное» содержание, которым наполняются различные социальные формы: институциональные структуры, роли и статусы, поведенческие практики, общественные связи и отношения и т. п.

Обратимся к культурному аспекту рассмотрения глобализации. Планетарный характер информационных процессов делает неизбежным интенсивный межкультурный обмен, диалог культур, в результате которого формируется некое «ядро» общечеловеческой культуры, синтезирующее конкретно-исторический, социокультурный, религиозный и другой опыт различных народов и государств. Теоретически в этом диалоге ни одна культура не должна претендовать на приоритет, на монополию исключительности. На практике же происходящая сейчас глобализация культуры в значительной мере представляет собой экспансию западных (прежде всего американских) культурных продуктов и образцов в пространство других культур,

что нередко оценивается как «культурный империализм». Многие национальные обычаи, церемонии, ритуалы, формы поведения, традиционные нормы и ценности, придававшие в прошлом человечеству фольклорное и этнографическое разнообразие, постепенно «уходят» по мере того, как значительная часть населения отдельных стран и регионов усваивает новые стандартные практики жизнедеятельности. Образно выражаясь, культурная палитра современного человечества явно бледнеет.

В ответ на глобализационный вызов культурной унификации и движения к культурно-монополярному миру усиливается процесс дифференциации локальных цивилизаций как культурно-исторических ареалов. По мнению ряда исследователей, сегодня можно выделить 12 локальных цивилизаций (хотя есть и другие варианты классификации): «четыре западных (западноевропейская, восточноевропейская, североамериканская, латиноамериканская), пять восточных (японская, китайская, индийская, буддистская, мусульманская) и три смешанных (евразийская, африканская, океаническая)»¹²³. Все цивилизации существенно различаются по географическому положению, климатическим условиям, численности населения, экономическим показателям, политическому устройству, военной мощи. Но эти различия не являются основанием для их иерархического ранжирования. Ядро цивилизации — ее социокультурный генотип, система ценностей, ментальность, исторический опыт, накопленный сотнями поколений. С этой точки зрения все цивилизации равноправны и нельзя делить мир на «цивилизованный» и «нецивилизованный». Все они имеют право на участие в межкультурном обмене и диалоге, на уважение к их культурному наследию и этнокультурной идентичности; все могут участвовать в процессах глобализации, хотя возможности для этого у разных цивилизаций, безусловно, неодинаковы.

¹²³ *Диалог цивилизаций. Повестка дня / сост. и общ. ред. В.И. Толстых. М.: Горбачёв-Фонд, 2005.*

Система межцивилизационных отношений в современном мире становится всё более зыбкой, неустойчивой, вплоть до конфликта и «столкновения цивилизаций»¹²⁴. Сегодня вырисовываются два возможных и равновероятных сценария межцивилизационного взаимодействия и тем самым — глобализационного развития. Первый — оптимистический сценарий локально-цивилизационных трансформаций, базирующийся на интегральном и равноправном социокультурном взаимодействии, на диалоге и партнерстве культур. Основополагающей ценностью при этом является толерантность, содержательно оформившаяся в условиях постиндустриального общества. Толерантность означает, во-первых, абсолютный отказ от любых видов и форм социального насилия, кроме легитимных, во-вторых, — принципиальный отказ от ксенофобии, т. е. готовность принять любые культурные образцы, идеалы, взгляды, идеи, ценности, образы жизни и т. п., кроме мизантропических. Такой вариант развертывания глобализации может быть назван гуманистически-ноосферным¹²⁵. В этом контексте современный немецкий мыслитель, автор знаменитой книги «Общество риска»¹²⁶ Ульрих Бек считает глобализацию предпосылкой становления космополитического общества, в котором он видит «светлое будущее всего человечества», выход «из тупиков общества риска»¹²⁷.

Второй сценарий — пессимистический: развитие глобализации пойдет по пути доминирования одной из локальных цивилизаций, скорее всего североамериканской (хотя возможны

¹²⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

¹²⁵ См.: Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Языки русской культуры, 2000.

¹²⁶ См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

¹²⁷ Бек У. Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008.

и другие варианты: например, китайской, мусульманской), подчиняющей своему влиянию остальные цивилизации, используя экономическое господство, единое информационное пространство, возрастающую скорость социальных перемен, однополярное (панамериканское) лидерство. Реализация этого сценария грозит как самоубийственным «столкновением цивилизаций», так и установлением новой тотальности в формате либо «золотого миллиарда», либо «глобальной деревни». Перспективы растворения локальных цивилизаций в унифицированном мире, становления новой глобальной цивилизации («сверхобщества», одномерного в культурном отношении) снимают проблему диалога культур, их сотрудничества в поисках ответов на вызовы современности и определения путей преодоления глобальных и мировых проблем.

Угроза потери цивилизационного и культурного разнообразия сколь реальна, столь и опасна для будущего человечества, как и потеря биоразнообразия для живой природы. Представляется, что сохранение паритета между целостностью, единством социума и его культурным разнообразием становится осевой проблемой XXI века, от решения которой зависят перспективы устойчивого развития как общества в целом, так и его конкретных форм. Почему? Дело в том, что в процессе непосредственных межэтнических контактов более сильная и агрессивная культура путем прямого или косвенного давления может вызвать в пространстве другой культуры радикальные изменения — постепенное замещение ее картины мира своей. Это может привести к поглощению одной культуры другой, одного этноса (народа, нации, социальной общности) другим, к утрате одним из них своей картины мира, а следовательно, и своего национального самосознания, социальной памяти, ценностей, религии, традиций, обычаев, языка, т.е. этнокультурной идентичности в целом.

Итак, взаимодействие культур может складываться по четырем основным векторам развертывания возможных «судеб» субъектов-носителей культурной отличительности:

— интеграция, когда каждая из взаимодействующих социальных общностей или групп как субъектов-носителей определенной культуры сохраняет свою культурную отличительность, осуществляя при этом тесные взаимообогащающие межкультурные контакты; актуализируется толерантность как ценность; этнокультурная идентичность сохраняется и упрочивается;

— ассимиляция, когда одна из взаимодействующих социальных общностей или групп теряет свою культуру, свою самобытность; этнокультурная идентичность утрачивается, причем на ментальном уровне;

— сепаратизм, когда социальная общность или группа, сохраняя свою культуру, замыкается в себе, отказывается от контактов с инокультурным окружением; этнокультурная идентичность «закостеневаает», порождая ценностный фундаментализм и ксенофобию;

— маргинализация, культурная неукорененность, когда социальная общность или группа теряет свою культуру, не установив при этом тесных контактов с другой; этнокультурная идентичность при этом размывается, становится неопределенной.

Очевидно, что предпочтительным является первый из вышеуказанных сценариев межкультурного взаимодействия, но в реальном глобализирующемся поликультурном пространстве современного социума осуществляются и три других. При этом актуализируются социальные риски, ибо подрывается фундамент устойчивого развития общества как системы на всех структурных уровнях его организации. Максимальная культурная однородность, нивелирование культурной отличительности, как и гипертрофирование последней, в равной степени небезопасны: в контексте системного подхода достаточно давно доказано, что устойчивое функционирование и развитие систем определяется динамическим равновесием между их гомогенностью и гетерогенностью. Современная синергетическая парадигма также убедительно показывает, что жизнеспособность сложных эволюционирующих систем зависит

от уровня их внутренней дифференциации, информационной энтропии. Один из основоположников теории самоорганизации англичанин Уильям Росс Эшби сформулировал закон необходимого разнообразия систем. По этому закону выживание системы определяется тем, насколько она способна противопоставить разнообразию внешних воздействий разнообразие своих реакций на них, т.е. вызовы и ответы должны быть симметричны¹²⁸.

Таким образом, культурная дифференцированность, культурное богатство и разнообразие человечества как системной целостности обуславливает необходимый адаптационный потенциал современного социума и отдельных социетальных структур. Это подтверждает и обращение к конкретно-историческим примерам: чем примитивнее, однообразнее, «линейнее» общество, тем оно более уязвимо, тем меньше у него шансов выжить в условиях кризиса, независимо от того, вызван ли последний внутренними или внешними по отношению к данной социальной системе причинами. Пространство выбора для таких обществ радикально сужается, и после прохождения точки бифуркации, как правило, реализуется катастрофическая модель выхода из кризиса. В контексте синергетики кризисы должно рассматривать как неизбежные и закономерные этапы системной динамики, объективно обусловленные перманентными изменениями как внешне- так и внутрисистемной среды. Период кризиса «ни плох и ни хорош»: это период «перелома», активизации возможностей и ресурсов системы, позволяющих ей либо адаптироваться к новым условиям, либо перестать существовать. Таким образом, культурное разнообразие социума и отдельных обществ есть условие преодоления системного кризиса современной цивилизации и ее устойчивого развития. Генеральная конференция ЮНЕСКО 2 ноября 2001 года на 31 сессии приняла Всеобщую декларацию о культурном разнообразии. Статья 1 этой Декларации гласит:

¹²⁸ Эшби У. Введение в кибернетику. Новосибирск: Наука, 1999.

«Формы культуры изменяются во времени и пространстве. Это культурное разнообразие проявляется в неповторимости и многообразии особенностей, присущих группам и сообществам, составляющим человечество. Будучи источником обменов, новаторства и творчества, культурное разнообразие так же необходимо для человечества, как и биоразнообразие для живой природы. В этом смысле оно является общим достоянием человечества и должно быть признано и закреплено в интересах нынешнего и будущих поколений»¹²⁹.

В этом контексте трудно переоценить роль образования как социального института, одной из функций которого является воспроизводство культурной отличительности. Глобализационные процессы осуществляются не сами по себе, их реальные проявления определяются не только уровнем развития коммуникаций и технологий, но и спецификой социальной активности индивидов. Реализация того или иного сценария развертывания глобализации во многом зависит от форм и содержания деятельности отдельных индивидов, социальных общностей и групп. Индивидуальная и коллективная деятельность всегда осуществляется в соответствии с определенными целями (пусть и не всегда явными, рефлекслируемыми) и имеет определенные мотивы средства и результаты, т.е. ценностно детерминирована. Образование же по своей социальной природе и функциям изначально возникает как важнейший институт производства, воспроизводства и трансляции ценностей.

Сегодня в понимании образования набирает силу тренд в сторону его «экономизации», выхолащивания его ценностного содержания. Образование, особенно высшее, начинают редуцировать к системе образовательных услуг, к некоему товару, а выполнение основных образовательных программ (т.е. подготовку специалистов) — к инвестиционным проектам, могущим быть более или менее эффективными. Но «логика уни-

¹²⁹ *Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии*. М.: Права человека. 2002. С. 5, 6.

верситета не есть логика рынка или супермаркета», и прагматический аспект отнюдь не исчерпывает всего содержания образовательного процесса. Тем более что в законе РФ «Об образовании» прямо зафиксировано, что образование в нашей стране не сводится к образовательным услугам, что обучение по школьной и вузовской программам является образовательной деятельностью, имеющей гуманистический характер, основанной на приоритете общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. В статье 2 этого Закона прямо подчеркивается культуртрегерская функция образования, содержанием которой является как создание единого федерального культурного и образовательного пространства, так и «защита и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства»¹³⁰.

В глубинах антропосоциогенеза сложилась институция Учитель, основной функцией которой стала компенсация и преодоление родовой неспециализированности человека, сохранение и тиражирование социального опыта, т.е. знаний, умений, навыков. В ходе исторического развития образование становится важнейшим институтом социализации и инкультурации личности; каналом воспроизводства культурной отличительности и тем самым — формирования этнокультурной идентичности.

Сегодня в условиях глобализации постепенно складывается новая образовательная реальность — «образование без границ», мировое образовательное пространство. Безусловно, это расширяет возможности личности для приобщения к общечеловеческим ценностям, таким как толерантность, экологический императив, права человека и т. п., для приобретения профессиональных компетенций в процессе получения образования. Образовательный процесс становится перманентно инновационным как по содержанию, так и дидактическим техноло-

¹³⁰ Закон РФ об образовании. М.: Омега-Л, 2004. С. 4.

гиям. Одновременно возрастает роль и значение образования как реального канала обеспечения культурной самобытности социальных общностей и групп. Получая образование, индивид «встраивается» в определенную культуру, овладевает ее ценностями и нормами, поведенческими образцами и стереотипами, когнитивными практиками и типами рациональности, профессиональными знаниями, умениями, навыками и специфическими для данной культуры формами инновационной деятельности, приемами творчества и репродуцирования. Образование «делает» индивида продуктом определенной культуры, он же, в свою очередь, становится субъектом ее воспроизводства. Образование, таким образом, выступает транслятором наиболее значимых и исторически устойчивых норм и ценностей, ментальности, культурных универсалий и констант, социокультурной отличительности в целом; оно «работает» на поддержание культурного разнообразия социума. Думается, что по мере развертывания глобализации эта роль образования будет только возрастать, как, впрочем, и роль «проводника» инноваций. Образование как социальный институт, т. е. как некая системная целостность, также должно обладать определенным уровнем разнообразия.

В свете всего вышеизложенного совершенно очевидной становится необходимость сохранения культурной самобытности, отличительности всех региональных российских субкультур (в нашем контексте — калининградской региональной субкультуры) как условия устойчивого воспроизводства и развития российской культурной целостности. Только оптимальное соотношение культур-системной гомо- и гетерогенности, федерального и регионального начал обеспечит сохранение российского социума как особого цивилизационного типа. Российская цивилизация складывалась в условиях естественной «пограничности» между Европой и Азией, на рубеже «Леса» и «Степи», между оседлостью и кочевничеством, на перекрестке великих мировых религий Запада и Востока. Исконное российское «культурное пограничье» придает ментальности российской цивилизации, а вместе с тем и россий-

ской культуре, качества некоторой амбивалентности, неустойчивости, «смысловой неопределенности» (что совершенно нехарактерно для Европы и западной культуры), но одновременно — обуславливает и более высокий «охранительный» ценностный потенциал. Эти качества вполне присущи и калининградской региональной субкультуре и как части культуры российской, и как специфическому региональному феномену. Как отмечает известный исследователь пограничных культур В. Е. Багно, «культуры пограничные неизменно являются особенно восприимчивыми к идущим извне влияниям и в то же время ревниво оберегающими свою самобытность. Этой особенностью объясняется столь характерное для них постоянное колебание между двумя полярными тенденциями: *охранительной и космополитической*, «всемирной отзывчивостью» и сохранением традиций, сочетание которых и является не только естественным, но и единственно возможным для подобного типа культур динамичным фактором их развития»¹³¹. В условиях глобализации внутреннее «культурное многоцветье» России становится условием адекватных симметричных ответов на ее вызовы.

¹³¹ Багно В. Е. Пограничное сознание, пограничные культуры // Полярность в культуре. Канун: Альманах. СПб., 1996. Вып. 2. С. 420.

Заключение

В ходе социально-философского и культурологического исследования региональной субкультуры на примере Калининградской области была разработана достаточно целостная концепция региональной субкультуры эксклавного типа. Актуальность проекта очевидна: в условиях глобализирующегося мира и реалий современной России сохранение культурного многообразия социума становится одним из условий его устойчивого развития. Анализ механизмов взаимодействия универсалистских и партикуляристских тенденций в процессах воспроизводства культурной отличительности, механизмов самоорганизации жизнедеятельности общества — актуальнейшая задача для современной социальной философии и культурологи.

Калининградская региональная субкультура как культура эксклавного типа впервые стала объектом всестороннего системного изучения как в теоретико-методологическом, так и в конкретно-прикладном аспектах. Социокультурная реальность эксклавного российского региона уникальна. Эта уникальность обусловлена наличием калининградского этнокультурного феномена, геополитической и исторической особенностями. Калининградская региональная субкультура — это культура интенсивного межкультурного взаимодействия, имеющего синхроническое и диахроническое измерения, вследствие

чего она отличается значительной социокультурной динамикой и возрастающей культурной неопределенностью. Об этом убедительно свидетельствуют результаты специальных исследовательских процедур (конкретно-социологические, социально-психологические, кросс-культурные исследования, эпистемологический и культурологический анализы региональных художественных текстов). И тем не менее данная региональная субкультура эксклавного типа является локальной разновидностью культуры национальной, и прежде всего на глубинно-ментальном уровне, на уровне базовых ценностей и культурных констант.

Отвергая крайности в оценках глобализации — как позитивно-оптимистические, так и критически-пессимистические — сошлемся на мнение занимающего достаточно умеренную позицию в этом вопросе П. Л. Бергера, одного из ведущих современных американских социологов, серьезно занимающегося проблемами глобалистики, который убежден, что «зарождающаяся глобальная культура по своему происхождению и содержанию, безусловно, американская... Это преобладающая тенденция, которая проявляется и, вероятно, будет проявляться в будущем»¹³². В контексте такого рода тенденций обеспечение успешного развития российской культуры, сохранения ее своеобразия во многом зависит от поддержания внутреннего российского «культурного многоцветья», которым всегда была сильна Россия. Российская культура всегда существовала как совокупность множества региональных, этнических, религиозных и т.д. субкультур. «Цветущую сложность» в этом смысле можно рассматривать как неперемutable условие устойчивого развития крупной культуры. Калининградская региональная субкультура добавляет цветовой оттенок в палитру российской культуры, способствуя, наряду с другими субкультурами, ее воспроизводству и развитию.

¹³² *Бергер П.Л.* Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект-Пресс, 2004. С. 9.

Определенное «размывание» значимости «российскости» в системах ценностных ориентаций (особенно молодого поколения калининградцев) в известной степени компенсируется процессами культурной самоорганизации, причем как на уровне управления культурной политикой в регионе, так и в повседневных культурных практиках. Последнее обстоятельство не отменяет некоторой культурной маргинальности, неукорененности, «двунепринадлежности» (представления о том, что Калининград — это не Россия и не Европа) части молодого поколения калининградцев, о чем свидетельствует изучение процессов этнокультурной самоидентификации. Этот социальный вызов может быть купирован развитием калининградской региональной субкультуры в сторону формирования «русского европейца» как субъекта-носителя ценностей толерантности, экуменизма, свободы и ответственности

Полагаем, что целостная системная концепция калининградской региональной субкультуры может быть теоретико-методологическим основанием для разработки культурной и образовательной политики в эксклавном российском регионе, для формирования долгосрочных стратегий управления региональной социокультурной динамикой.

Приложение

Социокультурные трансформации в пространстве калининградской региональной субкультуры: по итогам социологических и социально-психологических исследований

Социально-философское и культурологическое исследование калининградской региональной субкультуры с необходимостью должно быть дополнено наблюдениями за культурными практиками, социологическими и социально-психологическими исследовательскими процедурами. В последние десять лет такого рода исследования в Калининградском регионе проводились достаточно регулярно, что дает возможность анализировать полученные данные. Прежде всего, это результаты социологических опросов, проведенных специалистами РГУ им. И. Канта и БалтМИОНа в Калининградской области в 2001—2004 годах¹, развернутого конкретно-социологического исследования, осуществленного в рамках сетевого межрегионального проекта (ИНО-центр, БалтМИОН) «Будущее России: взгляд из центра и регионов» (2006 г.)². Важные данные были получены авторами

¹ *Социологические* обследования калининградского социума // Регион сотрудничества. Вып. 3 (46). С. 33—59.

² *Отчет* группы БалтМИОНа по проекту «Будущее России — взгляд из центра и регионов: социальная сфера общества». Не опубликован.

этой публикации в ходе собственных экспертных опросов и социально-психологического тестирования представителей так называемого третьего поколения жителей Калининградской области.

Механизмы консолидации и самоорганизации калининградского социума

Формирование целостности и устойчивости регионального социума всегда было актуальным для Калининградской области, население которой составили переселенцы из разных областей и республик бывшего Советского Союза. На современном этапе развития области эти задачи не утратили своей актуальности. По данным статистики, и сегодня население области более чем наполовину состоит из переселенцев, доля местных уроженцев не превышает 43%³. Калининградская область активно пополняет свое население за счет мигрантов из других территорий, что ставит вопрос о степени укорененности «новых калининградцев» в областном социуме и обретении ими региональной идентичности. По нашим данным, указанная укорененность определяется длительностью проживания: чем дольше индивид живет в регионе (независимо от места его рождения), тем в большей степени он чувствует себя коренным жителем, а не переселенцем, «чужаком», тем чаще идентифицирует себя с региональным сообществом. Наиболее неукорененными в социально-территориальной общности жителей эксклавного российского региона чувствуют себя переселенцы последних пяти лет; им же свойственна меньшая степень идентификации с региональным социумом.

Переселенческий характер, полиэтничность, поликонфессиональность являются специфическими особенностями калининградской региональной субкультуры. Для анализа механизмов консолидации и самоорганизации регионального социума представляется значимым обращение к формирующимся институтам гражданского общества. Для современных культурных реалий калининградского

³ Клемешев А. П., Федоров Г. М. Калининградский социум: по результатам социологических обследований 2001—2004 гг. // Регион сотрудничества. Вып. 6 (31). Калининград: Изд-во КГУ, 2004.

социума, как и российского общества в целом, характерно достаточно интенсивное становление новой социальной институции — НКО (некоммерческих организация). Строго говоря, в российском законодательстве под НКО понимаются все организации, создаваемые для оказания социальных услуг и не нацеленные на извлечение прибыли; поэтому с точки зрения закона понятие «НКО» охватывает и общественные объединения, и муниципальные учреждения (музеи, библиотеки и т. п.). Однако в профессиональном лексиконе объем этого понятия традиционно сужается до «негосударственной и немunicipальной некоммерческой организации», т. е., как правило, речь идет об общественном объединении или автономной некоммерческой организации. В этом смысловом значении мы и будем использовать аббревиатуру НКО⁴.

В настоящее время в области зарегистрированы около 1700 общественных организаций, из которых активно действует, по оценкам экспертов, 1000—1200 НКО, и «если они зарегистрированы, то уже социально значимы», «власть прислушивается к любому обращению или предложению, даже мелкому, исходящему от НКО», но их роль в становлении гражданского общества пока незначительна. Причину последнего обстоятельства эксперты видят прежде всего в недостаточном уровне менеджерской подготовки и юридической осведомленности руководителей НКО.

Направления и формы деятельности НКО, оставшихся с «советских» и «перестроечных» времен, достаточно традиционны и общеизвестны: их осуществляют объединения молодежи, ветеранов, правозащитные, экологические и религиозные организации, творческие союзы. В последние годы в области начинают активно действовать и новые НКО, особенно в сфере культуры: альтернативные творческие союзы, национально-культурные общественные объединения, общественный Фонд культуры, инфраструктурные культурные организации. К последним можно отнести, к примеру, агентство поддержки культурных инициатив «Транзит», клубы исторической реконструкции, общественные музеи (Виштынецкий эколого-исторический музей, фонд «Дом-Замок» в Черняховске, музей «Фридландские воро-

⁴ Клемешева М. А. Образование культурно-национальных обществ на территории Калининградской области // Калининградской области — 60: этапы истории, проблемы развития: сб. ст. / В. И. Гальцов и др.; отв. ред. В. Н. Маслов; М-во культуры Калинингр. обл. Калининград: Янтарная летопись, 2006.

та)). Эксперты отмечают финансовую поддержку культурных инициатив со стороны зарубежных благотворительных фондов: Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса), фонд Стефана Батория (Польша), Польско-американский фонд свободы и Фонд «Образование для демократии»; польские общества поддерживают Общества польской культуры в Гусеве и Озёрске и т.п. Однако, по экспертным оценкам, международное благотворительное финансирование культурных проектов весьма незначительно, поддержка со стороны бизнеса, как правило, ограничивается чисто благотворительными акциями и спонсированием крупных шоу-мероприятий, патернализм до сих пор не изжит, и многие общественные организации культуры по-прежнему видят в государстве главного гаранта своего успешного развития.

Особое место в системе НКО, в силу специфики формирования населения и географического положения, занимают национально-культурные общественные объединения. К 2004 году на территории области насчитывалось шесть региональных и шесть местных национально-культурных автономий (азербайджанцев, армян, ассирийцев, белорусов, евреев, казахов, литовцев, немцев, поляков, русских, таджиков, татар, украинцев, чувашей). В 2004 году зарегистрирована Федеральная национально-культурная автономия литовцев Российской Федерации, учредителями которой стали региональные автономии Калининградской области, Москвы и Приморского края. В 2006 году зарегистрированы региональные общественные организации «Казахская диаспора» и «Цыганская диаспора «Бахталодром».

Восемнадцать национальностей объединены в 87 национально-культурных организаций, часть из которых открыли свои отделения в муниципальных образованиях региона. Национально-культурные объединения этнических общностей представляют более 150 тысяч жителей (около 16% от общего числа населения) Калининградской области. Государство финансово поддерживает проведение дней национальных культур и национальных праздников, а также финансирует межнациональную телепрограмму «Радуга». По экспертной информации, финансовая помощь государства будет сохраняться и впредь, хотя главным источником финансирования являются спонсорские и членские взносы, а также частные пожертвования. Эксперты отмечают, что стабильно и достаточно эффективно работают прежде всего те объединения, руководители которых представляют средний бизнес. По данным отдела национально-культурных и об-

ществленных связей министерства культуры правительства Калининградской области, в 2006 году только 24 национально-культурных общественных объединения осуществляли социально значимую деятельность, остальные, фактически, только числились.

Таким образом, при всей значимости деятельности НКО для консолидации и самоорганизации регионального социума, приходится признать, что для отдельных НКО сегодня характерна низкая устойчивость, а для сектора в целом — очень слабая корпоративность; НКО пока не сложились в качестве полноценного коллективного субъекта гражданского общества. Об этом же убедительно свидетельствуют и данные массового опроса: только 3,8% опрошенных являются членами каких-либо общественных организаций, значительная часть респондентов, особенно в возрасте от 18 до 40 лет, проявляет неосведомленность о деятельности НКО и отсутствие интереса к политике. Представляется, что данная тенденция сохранится и на перспективу.

Социокультурная идентичность

В настоящее время наиболее актуальными для жителей региона являются проблемы территориальной оторванности от России и негативных последствий, которые влечет за собой расширение Евросоюза на восток. В первую очередь калининградцы опасаются ухудшения экономической ситуации, а также изоляции от России. Компенсировать недостатки эксклавности, получить определенные материальные выгоды, по мнению калининградцев, способен статус региона как особой экономической зоны. Возможно, и с ним жители региона связывают надежды на будущее. Предполагая, что эксклавный российский регион создает некоторые проблемы для соседней Европы, жители Калининградской области в то же время ожидают от нее финансовой и иной помощи в развитии взаимовыгодного сотрудничества.

Имеющиеся данные говорят о том, что ситуация в сфере социальной идентичности населения региона достаточно стабильна. В последние годы наблюдается тенденция к усилению идентификации жителей региона с локальным сообществом, а также — страной в

целом (россиянами). По сравнению с ними, региональный социум имеет меньший вес как «мы»-группа, как объект социальной идентификации. По данным соцопроса 2006 года (вопрос 69) солидаризация с гражданами России (57,4%) оказалась на втором месте по числу ответов после солидаризации с семьей и близкими (77,8%). Третье место в этом перечне заняла позиция солидаризации с местным или региональным сообществом (57,0%). По данным более ранних социологических исследований, проведенных РГУ им. И. Канта и БалтМИОНОм в Калининградской области в 2001—2004 годах, локальная и региональная идентичность (в сумме 59,9% в 2001 г. и 60,2% в 2004 г.) заметно превалировала над российской (24,6% в 2001 г. и 32,5% в 2004 г.). Таким образом, в период с 2001 по 2006 год можно с осторожностью фиксировать тенденцию к усилению идентификации жителей региона со страной в целом. При этом нужно обратить особое внимание на так называемое третье поколение жителей Калининградской области, чьи позиции мы проанализируем ниже.

По нашему мнению, лидирующее положение общероссийской идентичности (по данным опроса 2006 г.) обусловлено следующими факторами: с одной стороны, формирование российской государственной идентичности в последние годы сравнительно активно стимулируется как из федерального центра, так и на региональном уровне; с другой — региональная идентичность в Калининградской области «сверху» практически не выстраивается. До настоящего времени область в лице ее правящей элиты далеко не всегда старалась выделиться на фоне остальных российских регионов, несмотря на наличие объективных, очевидных и требующих реакции особенностей и проблем, «невписываемость» уникальной калининградской ситуации ни в какие схемы. В качестве подтверждающего примера можно привести следующее обстоятельство: один из опрошенных нами экспертов — чиновник правительства Калининградской области — весьма категорично утверждал, что культурное своеобразие калининградского региона ничуть не больше, чем любого другого российского региона. Есть и другие экспертные оценки: подчеркивание уникальности региона, вплоть до наличия «особой калининградской ментальности». Так, один из экспертов — также правительственный чиновник — высказывал мнение, что в регионе гораздо больший уровень социальной консолидации именно в силу его эксклюзивной особенности, определенной «изолированности» от России.

Несмотря на несколько меньшую значимость региональной идентичности по сравнению с российской и локальной, она для ка-

лининградцев все же гораздо важнее этнической. По данным опроса 2006 года, лишь для трети респондентов характерна солидаризация по национальному признаку, тогда как с жителями региона солидаризирует себя почти вдвое больше участников опроса. Показательны в этом отношении и утверждения глав некоторых национально-культурных объединений, опрошенных в качестве экспертов, о превалировании в их диаспорах региональной идентичности над этнической. Жители самого западного российского региона, таким образом, значительно чаще осознают себя жителями соответствующей территории, нежели представителями своих этнических групп.

Усиление идентификации населения региона с локальными сообществами произошло, прежде всего, за счет жителей областного центра и сельской местности. У первых идентификация с городским социумом выросла за последние два-три года очень значительно: очевидно, благодаря активизации процессов внутригородской жизни в связи с празднованиями 750-летия Кёнигсберга-Калининграда (2005 г.) и 60-летия Калининградской области (2006 г.) и, пожалуй, в еще большей степени, в связи с дискуссиями по поводу первого юбилея, активно инициировавшими процессы массового самосознания. У сельчан за последние годы усиление идентификации с локальным сообществом связано, на наш взгляд, с ухудшением уровня и качества жизни, вызывающим сплочение людей в небольших группах.

Для различных групп населения региона характерны разные иерархии и наложения идентичностей, что указывает как на несформированность единого социума на территории области, так и на детерминированность идентификации социальными факторами, в том числе социальной структурой. Для «коренных» жителей (родившихся, выросших на территории области или, по крайней мере, проживших здесь большую часть жизни) региональная идентичность имеет большее значение, чем российская. И наоборот: «переселенцы» — жители региона, попавшие сюда сравнительно недавно, — чаще идентифицируют себя со страной в целом.

То же можно сказать и о «европейской» идентичности — ощущении себя европейцами, позиционировании себя в качестве жителей Европы. В целом идентификация с европейцами занимает периферийные позиции в системе других идентификаций калининградцев, но для «местных», коренных жителей региона она важнее, чем для недавно переехавших сюда представителей других территорий.

Европейская идентификация наиболее политически ситуативна. Так, вступление в 2004 году соседних стран в ЕС, и прежде всего обсуждение на федеральном и региональном уровнях тех проблем, которые это вступление сулило калининградскому эксклаву, радикально понизило долю жителей региона, уверенно называвших себя европейцами. Заметим, что жители области, считающие себя европейцами, реже остальных говорят о потенциальных угрозах и об уже нанесенном ущербе со стороны расширяющегося Европейского сообщества.

Несмотря на относительную стабильность в сфере идентичности, не исключено ее постепенное изменение по ходу смены поколений. Данные многих социологических опросов показывают, что на сегодняшний день молодые жители региона имеют более слабую идентификацию со страной, но более сильную с локальным сообществом, регионом и Европой, чем старшее поколение калининградцев. Эти данные подтверждают результаты глубинно-проективного интервьюирования студентов РГУ им. И. Канта, проведенного в 2007 году.

Будучи параллельно конструируемыми, региональная и общероссийская идентичности в значительной степени являются конкурирующими. Будет ли эта конкуренция усиливаться или ослабевать, в значительной степени зависит от политики федерального центра. В данном контексте речь не идет о гражданской идентичности, которая возможна только при условии защиты государством интересов и прав граждан, независимо от конкретной территории их проживания, диалога государства с «ростками» гражданского общества; и только эта идентичность позволяет надеяться на «гибкую и прочную общероссийскую консолидацию».

Динамика ценностных ориентаций

Масштабные социально-психологические исследования базовых ценностей и ценностных ориентаций у жителей Калининградской области, к сожалению, пока не проводились, хотя значимость таких давно актуализирована и многократно озвучена. Причины этого, вероятно, кроются, с одной стороны, в недостаточной разработанности теории ценностей, а с другой — в отсутствии обоснованного инструментария для измерения ценностей. Глубинные ценности, составляющие ядро ментальности, лишь частично осознаваемы ин-

дивидом, значительная их часть существует на бессознательном уровне, что чрезвычайно усложняет их исследование. Поэтому в данном случае мы можем оперировать лишь результатами собственных небольших по объему исследований, регулярно проводимых в Калининграде с 2000 года, а также интерпретировать ответы на некоторые вопросы массового социологического опроса 2006 года.

При определении «российскости» (по материалам опроса 2006 года) калининградцы проявили большую степень согласованности. Подавляющее большинство респондентов наиболее важными характеристиками россиянина считают чувство ответственности за страну (75,8%), ценности патриотизма (73,3%), уважение к законам и Конституции России (73,1%). Наименьшую значимость при характеристике россиянина, по мнению калининградцев, имеет религиозная (37,1%) и национальная (32,5%) принадлежность.

Межэтнические, межнациональные отношения в Калининградской области по материалам опроса выглядят вполне гармоничными. Невысок процент тех, кто считает, что Россия должна быть страной для русских (18,2%), что национальность всегда будет разъединять людей (10,2%), что проникновение другой культуры и языка вредит России (14,2%). Более половины опрошенных готовы принять у себя людей другой национальности в качестве близкого друга (69,0%), матери или отца своих детей (66,9%), супруга или супруги (65,1%). Очень низок процент тех, кто сталкивался с негативной реакцией на свою национальность; больше всего была отмечена «холодность в общении» (4,8%). Необходимость защиты прав национальных меньшинств со стороны государства при этом видят лишь 15,4% опрошенных. Это может показаться противоречащим приведенным выше фактам, но, может быть, это объясняется именно отсутствием межнациональной напряженности, что делает защиту со стороны государства просто не актуальной. Эту ситуацию достаточно высокой степени национальной толерантности в области активно подтверждают и опрошенные эксперты — как чиновники, занимающиеся по долгу службы проблемами межэтнических и межконфессиональных взаимоотношений, так и руководители национально-культурных объединений. В этой связи стоит обратить внимание на то, что явно демонстрируемое нежелание калининградцев видеть у себя трудовых мигрантов, по-видимому, объясняется не национальными и этническими предубеждениями, а опасениями иного характера, связанными с повышением конкурентности на рынке труда, жилья и т. д.

Достаточно высокой по опросу оказывается ценность права, что не вполне укладывается в расхожие представления о низком уровне правосознания в России. Так, в определении настоящего россиянина критерий соблюдения законности оказывается на третьем месте после чувства ответственности и патриотизма. Для 73,1 % респондентов соблюдение законов и Конституции очень важно и для 21 % в какой-то мере важно. Нарушение Конституции ради порядка и безопасности в стране считают возможным всего 6,6% опрошенных. Подавляющее большинство респондентов не согласны с этим; 45 % совсем не согласны, 17,6% скорее не согласны. Среди факторов жизни российского общества, которые вызывают гордость у калининградцев, на первых местах находятся литература и искусство (71,0%), история (65,6%), природные богатства (60,8%). Остальные факторы, представленные в анкете, получили менее половины голосов опрошенных, оценки представляются достаточно противоречивыми.

Калининградская региональная субкультура сложилась и развивается в условиях интенсивного межкультурного взаимодействия, что самым существенным образом сказывается на динамике ценностей. Базовые, глубоко укорененные в ментальности («культурное ядро»), ценности сохраняют свою устойчивость, «периферийные» — пластичны, подвижны. Трансформацию ценностей можно отследить, прежде всего, в изменениях ценностных ориентаций отдельных субъектов и социальных групп. Именно с ценностными ориентациями связаны пусковые и регулятивные механизмы деятельности как специфически человеческой формы активности, как субстанции социального.

Проведившиеся исследования позволяют утверждать, что у населения Калининградской области преобладает общероссийская ментальность и соответственно доминируют базовые общероссийские ценности. Политические, правовые ценности остаются пока «чисто российскими», однако налицо весьма симптоматичные тенденции намечающихся трансформаций ментальности, в том числе ее ценностной составляющей. Выше мы уже отмечали своеобразие процессов инкультурации в условиях Калининградской региональной субкультуры, в которых трансплантация иного, «не российского» культурного продукта осуществляется через структуры повседневности в условиях интенсивного межкультурного взаимодействия. Этот процесс способствует расширению толерантной составляющей ценностного пространства личности и формированию ее межкультурной компетенции. С одной стороны, это явление положительное, но, с другой — оно чревато и отрицательными последстви-

ями: может возникнуть угроза определенного отрыва от культурной базовой матрицы. Это заставляет калининградских исследователей обратиться к анализу проблемы сепаратизма на территории региона⁵.

В настоящее время эта угроза представляется весьма незначительной: «европейскость» некоторой части калининградцев или подчеркнута позиционируемая калининградская идентичность зачастую оказываются скорее декларируемыми, нежели реальными. Однако это заставляет особенно внимательно анализировать то, как позиционируют себя молодые калининградцы. На протяжении восьми лет мы постоянно проводим глубинно-проективное письменное интервьюирование калининградских школьников старших классов и студентов РГУ им. И. Канта. Процедура глубинно-проективного интервьюирования, предваряемого созданием у респондентов позитивной установки на его значимость, способствует активизации процесса самосознания, в котором индивид делает себя объектом собственного восприятия. По сути, это диалог, обращенный к самому себе, в котором, благодаря коммуникации с самим собой, индивид «проблематизирует» себя, позиционируя свою идентичность. Возможность анонимности письменного интервью создавала условия для искренности ответов.

Доминирующим настроением письменных интервью, выполненных в форме эссе, является неопределенность, культурная неукорененность, ярко выраженная эмоциональная амбивалентность и по отношению к России, и по отношению к Европе. Содержание и форма (система аргументации) ответов позволяют нам предполагать состояние ценностной «двунепринадлежности», пользуясь образным выражением В.Л. Каганского⁶. В большинстве ответов (также по преимуществу анонимных) фиксируется политическая и экономическая необходимость принадлежности Калининградской области к России; четко и осмысленно, хотя и несколько аффектированно, позиционируются «российскость и русскость» при преобладающем утверждении своей калининградской идентичности. Но и в этих ответах большое внимание уделяется отличиям Калининградского региона (прежде всего Калининграда) как от России, так и Европы; нередко звучит тема неопределенности будущего.

⁵ См.: *Регион сотрудничества*. Вып. 3 (46).

⁶ *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 534.

Определенное дистанцирование от России заметно и на уровне «включенного наблюдателя». Это хорошо фиксируется лексически. Получили широкое распространение выражения типа — «большая земля», «культурный материк», «историческая Родина, «Большая Россия», «материковая Россия», «континентальная Россия». Все они лексически утверждают образы «маленькой Калининградской области», некоего «острова», находящегося в отрыве от «материка». То есть на бессознательном уровне Калининград как бы выводится из культурных шифров «российскости», что может свидетельствовать об определенных изменениях ментальной идентичности.

Примечательно, что практически ни в одном интервью мы не нашли темы восхищения Россией, хоть в каком-нибудь контексте; а вот по отношению к Европе эта тема присутствует довольно часто. И еще одно обстоятельство: во многих интервью отражен тот факт, что на уровне бытового общения в других российских «городах и весях» Калининград зачастую не воспринимается как российский город, а обозначается «как Европа». Признаемся, что об этом же свидетельствует и наш собственный опыт: нам не раз приходилось сталкиваться с особенным и не всегда «здоровым» интересом российского обывателя к жизни калининградцев как «жизни за границей».

Диалогичность, дискуссионность, противостояние позиций характерны для того культурного контекста, в котором происходят инкультурационные процессы в нашей области. Эту внутреннюю напряженность и скрытую дискуссионность очень четко зафиксировал предвыборный слоган одной из партий: «Мы не остров России, мы — Единая Россия». Утверждение единства с Россией идет через отрицание достаточно укоренившегося в сознании калининградцев образа региона как острова.

Анализ проблем идентичности и динамики ценностных ориентаций в целом дает возможность утверждать, что в последние 5—6 лет степень интегрированности калининградского социума возросла. Практически отсутствует межнациональная и межрелигиозная напряженность, имеет тенденцию к росту общероссийская идентичность, достаточно согласованными представляются критерии «российскости», факторы, вызывающие гордость за страну. Однако при этом достаточно сильное и социальное расслоение, продолжающийся рост имущественного неравенства, несформированность среднего класса могут создавать в будущем ряд проблем и усиливать дезинтеграционные процессы в калининградском социуме.

Об авторах

Наталья Вениаминовна Андрейчук, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Российского государственного университета им. И. Канта.

Гаврилина Лариса Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Российского государственного университета им. И. Канта.

Научное издание

Андрейчук Наталья Вениаминовна
Гаврилина Лариса Михайловна

**ФЕНОМЕН КАЛИНИНГРАДСКОЙ
РЕГИОНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ**
(СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Монография

Редактор *Н. Н. Мартынюк*. Корректор *Н. Н. Генина*
Оригинал-макет подготовлен *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 15.01.2011 г.

Бумага для множительных аппаратов. Формат 60×90¹/₁₆.
Гарнитура «Таймс». Ризограф. Усл. печ. л. 8,8. Уч.-изд. л. 6,2.
Тираж 300 экз. Заказ 18.

Издательство Российского государственного университета имени Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14